

Стасия Викбурд

ЯГА НА
СТИЛЕ

Стасия Викбурд

Яга на стиле

«Автор»

2026

Викбурд С.

Яга на стиле / С. Викбурд — «Автор», 2026

В мире, где магия застыла под тяжестью традиций, а стиль считается преступлением против устоев, одна ведьма решается на невозможное. Что, если красота — это тоже магия? И что, если её сила способна изменить не только наряды, но и саму суть Ковена? Что сильнее — вековые традиции или магия красоты? Готова ли Яга заплатить самую высокую цену за право оставаться собой? Откройте книгу — и станьте свидетелями революции, которая начинается с одной единственной заколки и может изменить весь мир.

© Викбурд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Утренний ритуал и битва с будильником	5
Гардеробная Яги	8
Путь в «Лунный корень»	11
Утро, которое пошло не по плану	14
Звонок адвокату	17
«Я не ведьма, я инфлюенсер!»	20
«Подкуп»	23
Вечеринка как провокация	26
Опоздание и серый вызов	29
Патрулирование	32
Крошечное жилище и тихий бунт	35
Вечерняя лекция	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Стасия Викбурд

Яга на стиле

Утренний ритуал и битва с будильником

Пронзительный звон будильника разорвал тишину спальни — резкий, безжалостный, будто кто-то дёрнул за невидимую струну, натянутую прямо над моим ухом. Тишина в доме была особенной: густой, тёплой, почти осязаемой, и этот звук врвался в неё, как шторм в спокойное озеро. Нет, это не обычный звонок — это зачарованный гонг, который издаёт звук, напоминающий хор рассерженных фей. Сотни тоненьких голосов сливались в единую, колющую мелодию: она звенела, вибрировала, проникала под кожу и не давала притвориться, что ничего не происходит.

Я перевернулась на другой бок, зарылась лицом в подушку, словно та могла стать щитом от наступающего дня, и попыталась набросить на гонг сонное заклинание. Лёгкое, пушистое, сотканное из остатков дремоты, — я даже прошептала нужные слова, вкладывая в них всё своё утреннее отчаяние. Но бесполезно: гонг был защищён от магии лени, и чары просто стекли с него, как вода с гладкого камня, не оставив и следа.

— Феликс, — прошипела я, вцепившись пальцами в край подушки так, будто она была единственным якорем в этом шторме реальности, — сделай что-нибудь!

Мой чёрный кот, развалившийся на подушке в позе «я — центр вселенной», приоткрыл один глаз — узкую янтарную щёлочку, в которой читалось всё его отношение к ранним пробуждениям. Он медленно, с демонстративной неспешностью, повернул голову ровно настолько, чтобы показать: да, он меня слышит, но это ещё не значит, что собирается реагировать. А потом так же неторопливо отвернулся, будто сам факт моего существования слегка мешал его идеальному сну.

— Ты фамильяр или декоративная подушка? — возмутилась я, чувствуя, как в груди разгорается искра утреннего упрямства, смешанного с обидой.

Феликс издал звук, подозрительно похожий на «пф», — короткий, ёмкий, идеально передающий всю глубину его кошачьего презрения к спешке. И погрузился в сон ещё глубже, словно провалился в какую-то особую, исключительно кошачью тень, где будильников не существует, а время течёт иначе.

Вздохнув, я села на кровати. Комната тут же накинута на меня деталями, будто хотела отвлечь от мысли о том, что пора вставать. Она была оформлена в стиле «богемный хаос», но хаос этот был не случайным, а выстраданным годами поисков идеального беспорядка — такого, в котором каждая вещь лежала именно там, где ей и положено быть, даже если со стороны казалось, что всё перепутано.

На стенах висели гобелены с изображением модных трендов прошлого века: дамы в шляпах с перьями переглядывались с ведьмами на мётлах, и в их взглядах читался какой-то тайный, многовековой заговор. На полках теснилась коллекция флаконов с парфюмом: от «Аромат полнолуния», пахнувшего прохладой и звёздной пылью, до «Нота единорога» — сладковатого, почти детского запаха, который, по легенде, мог заставить любого улыбнуться против воли. В воздухе витал лёгкий шлейф этих ароматов, смешиваясь с запахом старой бумаги и чего-то едва уловимо волшебного.

В углу стояла ступа, используемая как кофейный столик, — её шершавые бока хранили следы множества чашек и пролитых зелий, а каждый скол и царапина казались отметинами маленьких, но важных историй. На ней, кстати, стояла чашка вчерашнего латте, уже остывшего, и лежала стопка журналов «Ведьмин Vogue»: на обложке последнего номера ведьма в шляпе

с колокольчиками смотрела на читателя с таким видом, будто знала все его секреты и была готова ими поделиться — но только если её хорошенько попросят.

Я потянулась к смарт-зеркальцу на тумбочке. Его гладкая поверхность мерцала, словно в ней пряталась целая вселенная советов и предсказаний, готовая раскрыться по первому слову.

— Покажи тренды на сегодня, — приказала я, стараясь говорить уверенно, будто и не было этой битвы с будильником, будто я с самого начала планировала проснуться именно в эту минуту.

Зеркало замигало, рассыпая по комнате крошечные искры света, похожие на рассыпавшиеся звёзды, и выдало голограмму с надписью: «Сегодня в моде: мантии с вышивкой из звёзд, туфли на платформе с антигравитацией и заколки с зачарованием „привлекаю внимание“». Буквы переливались, как капли росы на паутине, и на мгновение мне показалось, что сама мода смотрит на меня и ждёт, что я выберу.

— Отлично, — пробормотала я, чувствуя, как внутри просыпается азарт, — значит, мантия «Звёздный шик» и туфли «Небесный шаг».

Пока я плелась в ванную, шаркая ногами по полу и пытаюсь собрать себя по частям, Феликс наконец соизволил проснуться. Он лениво потянулся, выгнув спину дугой, будто хотел вобрать в себя весь утренний воздух, и спросил своим бархатным голосом (да, фамильяры умеют говорить, но предпочитают молчать, чтобы их не нагружали работой):

— Кофе будешь?

— Буду, — ответила я, — и добавь туда капельку зелья бодрости. Но только капельку, а то опять начну летать по квартире. В прошлый раз я чуть не пробила потолок, пытаюсь достать печенье с верхней полки, и потом пришлось полчаса уговаривать люстру, что я не собираюсь её сбивать.

Феликс вздохнул, но всё-таки отправился на кухню. Его шаги были почти бесшумными, лишь иногда когти тихонько цокали по полу, напоминая, что он всё-таки кот, а не призрак. Он умел колдовать, когда очень надо. Или когда я угрожала лишить его любимого лакомства — шоколадных мышей. И, судя по тому, как он на секунду замер у двери, слегка подёргивая хвостом, эта угроза всё ещё работала.

Через двадцать минут я сидела на балконе, подставив лицо первым лучам солнца, которые пробивались сквозь пелену облаков, словно пытались напомнить, что день — это не только обязанности, но и маленькие чудеса. В руках была чашка латте с миндальным молоком — пар поднимался вверх, рисуя в воздухе причудливые узоры, будто пытался рассказать какую-то историю, которую я никак не могла разобрать. Перед глазами мерцал экран телефона — я просматривала «Инстаколдун». Лента пестрела сторис: одна ведьма демонстрировала новую метлу с функцией массажа спины — на видео она кружилась над полом, а её волосы развевались, как знамёна; другая хвасталась зельями для роста волос — на видео волосы росли так быстро, что владелица запуталась в них и теперь пыталась распутать пряди с помощью заклинания «Распутывай!», при этом отчаянно жестикулируя и что-то крича; третий пост — реклама нового клуба «Лунный корень», где обещали «вечное веселье с антипохмельным эффектом». Яркие картинки мелькали, как вспышки фейерверка, и каждая кричала: «Посмотри на меня!»

— О, — воскликнула я, когда до меня дошло, — сегодня же открытие новой вечеринки! Феликс, мы идём тусить!

Феликс, который как раз доедал шоколадную мышь, подавился и закашлялся, его усы дрожали от возмущения, а глаза стали круглыми, как две маленькие луны.

— Опять? — простонал он, глядя на меня так, будто я предлагала ему прыгнуть в ведро с водой или, того хуже, поучаствовать в утренней гимнастике для фамильяров. — Я думал, мы вчера достаточно натанцевались. У меня до сих пор хвост ноет от этих «магических па», а уши звенят от заклинаний-ремиксов.

— Достаточно не бывает, — отрезала я, чувствуя, как внутри разгорается предвкушение, горячее и яркое, как костёр в полночь. — К тому же, я обещала появиться там в мантии «Звёздный шик». Это вопрос престижа. И, честно говоря, мне кажется, что звёзды на ней светятся ярче, когда вокруг музыка и смех, будто они питаются этой энергией.

Феликс только вздохнул, закатив глаза, и принялся вылизывать лапу с таким видом, будто надеялся, что, если делать это достаточно долго, я забуду о вечеринке. Но он уже привык к моим спонтанным решениям — и, если быть честной, в глубине души ему тоже нравилось это безумие, хотя он ни за что бы в этом не признался.

Гардеробная Яги

Гардеробная Яги — это отдельный мир. Представьте себе пещеру Али-Бабы, но вместо золота — мантии, платья, плащи и аксессуары, каждый из которых обладает магическими свойствами. Это не просто комната — это храм стиля, где каждая вещь имеет характер, а некоторые ещё и норов: то застёжка вдруг решит, что она больше не застёжка, то подол начнёт вести себя как живое существо и уползёт в дальний угол.

Я распахнула дверь и вошла внутрь. Тяжёлое дерево скрипнуло, будто гардероб сам вздохнул, приветствуя хозяйку, и стоило мне переступить порог, как пространство вокруг словно расширилось — так бывает, когда за скромной дверью прячется целая вселенная. Светильники, зачарованные на мягкое сияние, зажглись сами, будто почувствовали моё присутствие. Их свет не резал глаза, а ложился на полки тёплыми, текучими волнами, выхватывая из полумрака то край бархатного плаща, то блеск серебряной пуговицы, то тонкую вышивку, в которой прятались крошечные заклинания.

Воздух здесь пах лавандой, ванилью и лёгким шлейфом прошлогодних заклинаний — как в лучшем бутике на Магической Миле, где ароматы смешивались с магией и становились чем-то большим, чем просто запах. Этот запах был почти осязаемым: он оседал на коже, проникал в волосы, и казалось, что даже дыхание становилось чуть более волшебным, стоило только глубоко вдохнуть.

— Так, — пробормотала я, оглядывая коллекцию, и мой голос прозвучал в этом пространстве как часть его собственной мелодии, будто гардеробная слушала и запоминала каждое слово. — Мантия «Звёздный шик» — вот она.

Я протянула руку, не касаясь ткани, и позволила магии самой отозваться. Вышивка действительно мерцала, как настоящие звёзды: крошечные огоньки вспыхивали и гасли в ритме, который, казалось, совпадал с биением моего сердца. Они не просто светились — они жили, перемигивались, будто звёзды на небе вели между собой тихий, вечный разговор, и теперь этот разговор стал частью меня.

Но что надеть снизу? Брюки «Лунный шёлк» или юбку «Ветерок»? Я вытащила оба варианта и начала примерять. Брюки оказались слишком строгими — они так идеально сидели, что даже заставляли меня говорить с интонациями Верховной Матриархессы: голос становился ниже, в нём появлялась властная, почти ледяная уверенность, которая сейчас была совершенно не к месту. Не годится.

Юбка, напротив, была слишком лёгкой для вечерней прогулки — она имела свойство развеиваться так сильно, что могла унести меня в небо, если забыть про меры предосторожности. Я покрутилась перед зеркалом, и ткань взметнулась, словно хотела сбежать без меня, закружиться в вихре и раствориться в воздухе.

— Феликс! — крикнула я, чувствуя, как в груди поднимается лёгкая паника, смешанная с азартом. — Помоги выбрать!

Кот появился в дверях гардеробной, лениво потянулся, выгнув спину дугой, будто хотел вобрать в себя весь этот волшебный воздух, и оглядел меня с видом эксперта, который видел тысячи образов и ни один из них не впечатлил его по-настоящему. Он прищурился, склонил голову набок, и в его янтарных глазах мелькнуло что-то, подозрительно похожее на профессиональный интерес.

— Юбка, — изрёк он наконец, голосом, в котором слышался весь его многолетний опыт жизни с ведьмой, которая вечно опаздывает и всегда хочет выглядеть идеально. — Но надень под неё антиветровое заклинание. А то опять будешь висеть на фонаре, как в прошлый раз. Помнишь, сколько времени мы потратили, чтобы снять тебя оттуда, не привлекая внимания патруля?

— Мудрый совет, — согласилась я, чувствуя, как напряжение уходит, уступая место привычному, уютному ощущению: рядом есть кто-то, кто знает все мои промахи и всё равно помогает. — Спасибо, мой пушистый стилист. И, кстати, проверь, пожалуйста, не завелись ли в мантии моли-оборотни? В прошлый раз они съели половину вышивки, и мне пришлось целую неделю уговаривать звёзды снова загореться.

Феликс фыркнул, но всё же прыгнул на полку — его прыжок был таким плавным, что на мгновение показалось, будто он не прыгает, а просто исчезает в одном месте и появляется в другом. Он начал обнюхивать ткань, водя носом по бархату и вышивке, и его усы подрагивали, улавливая малейшие следы чужой магии или вредителей.

Теперь обувь. Туфли «Небесный шаг» стояли на специальной подставке — их нужно было активировать особым касанием, иначе они могли решить, что я хочу не танцевать, а покорить Эверест. Я надела их и активировала антигравитационный режим. Подошва слегка засветилась мягким голубоватым светом, и я почувствовала, как давление на ноги уменьшилось, будто сама земля стала чуть менее настойчивой в своём притяжении. Идеально для танцев до утра.

Аксессуары. Заколка «Привлекаю внимание» — обязательный атрибут. Я вставила её в причёску, и тут же почувствовала, как волосы стали укладываться в идеальную волну, будто сами знали, что сегодня им предстоит быть частью чего-то грандиозного. Браслет «Защита от нежелательных знакомств» (на всякий случай) мягко мерцал, отпугивая слишком настойчивых поклонников ещё до того, как они успевали открыть рот. И кольцо с зачарованием «Фотогеничность» (чтобы все селфи получались идеально) — я покрутила его на пальце, и зеркало тут же подмигнуло мне отражением с безупречным контурингом, будто само старалось угодить.

Но что-то не хватало. Я оглядела себя критически, поворачиваясь то одним боком, то другим, и отражение в зеркале, казалось, тоже оценивало образ, слегка хмурясь, будто знало, чего не хватает, но не хотело выдавать секрет сразу.

— Феликс, — позвала я, чувствуя, как внутри нарастает нетерпение, — что не так?

Кот поднял голову, прищурился, глядя на меня так, будто видел не только платье и туфли, но и все мои мысли, страхи и надежды, спрятанные под слоями магии и стиля.

— Шарф, — выдал он наконец. — «Туманный вуаль». Он добавит загадочности. И немного магии тумана — на случай, если захочешь исчезнуть эффектно. Ты же любишь уходить так, чтобы все запомнили не только твой образ, но и сам момент твоего исчезновения.

— Гениально! — Я схватила лёгкий шарф, который переливался всеми оттенками сумерек: от глубокого фиолетового до серебристо-серого, будто в нём прятались все тайны ночи. Он тут же обвил шею, словно живой, мягко прильнув к коже и окутав меня лёгким, прохладным облаком магии.

Я оглядела себя в зеркало. Образ был безупречен: мантия мерцала, юбка развевалась (но уже без угрозы уноса в стратосферу), туфли сияли, шарф струился, как дымка, обволакивая плечи и придавая силуэту ту самую неуловимую загадочность, которая заставляла прохожих оборачиваться. Я выглядела как икона стиля, которой и являлась, — но не холодной и недосыгаемой, а такой, к которой хотелось подойти, чтобы хоть на мгновение прикоснуться к этому волшебству.

— Кстати, Феликс, — добавила я, когда волнение и предвкушение уже начинали щекотать кончики пальцев, — не забудь зарядить мою косметичку. Заклинание «Вечная помада» уже начинает сдавать: вчера я заметила, что цвет стал тускнеть к середине дня, а сегодня мне нужно, чтобы он держался до самого рассвета.

Кот только вздохнул, закатив глаза так, что на секунду стали видны их золотистые ободки, но послушно направился к столику с магическими батарейками. Его шаги были почти бесшумными, лишь иногда когти тихонько цокали по полу, напоминая, что он всё-таки кот, а не

призрак, и что, несмотря на все свои вздохи и фырчания, он всегда будет рядом, чтобы помочь собрать образ, который станет легендой.

— Феликс, вызывай платформу, — приказала я, чувствуя, как внутри разгорается предвкушение, горячее и яркое, как костёр в полночь. — Мы отправляемся покорять «Лунный корень»! И пусть все знают: Ядвига Яга — это не просто имя. Это бренд!

Феликс нажал лапой на кнопку вызова, и за окном послышалось гудение моей кастомной летающей платформы — она мигала огнями в такт ритму, который, казалось, уже играл в клубе, даже если музыка ещё не началась. Огни переливались, отражаясь в стёклах домов и в лужах на мостовой, и на мгновение весь город стал частью этого предвкушения, частью той ночи, которая только начиналась.

Я бросила последний взгляд в зеркало, подмигнула себе — и отражение подмигнуло в ответ, будто подтверждая: да, сегодня будет незабываемо. И шагнула к двери, чувствуя, как магия гардеробной ещё несколько мгновений тянется за мной, словно не хочет отпускать, а потом растворяется в воздухе, оставляя после себя только лёгкий аромат лаванды и ванили — и уверенность в том, что ночь будет долгой, яркой и совершенно незабываемой.

Путь в «Лунный корень»

Моя летающая платформа — это произведение искусства, где прошлое и будущее сплелись в причудливом танце. Ретрофутуризм во всей красе: корпус из полированного дерева, тёплого, словно впитавшего в себя закаты сотен дней, украшен инкрустацией рунами удачи — они мерцали тусклым золотистым светом, будто хранили в себе шёпот старых заклинаний. Подсветка по краям мягко переливалась, и сейчас я выбрала режим «закат над океаном»: тёплые оранжевые и глубокие лиловые оттенки растекались по бортам, словно сама платформа дышала этим закатом. А сабвуфер... О, этот сабвуфер мог заставить дрожать даже каменные стены — его басы проникали под кожу, отзывались в груди и напоминали, что магия — это не только искры и шептания, но и ритм, который ведёт за собой.

И да, он синхронизировался с моим настроением: когда я злилась, из динамиков вырвался тяжёлый рок, такой густой и колючий, что даже воздух вокруг становился плотнее; а когда сердце наполнялось счастьем, платформа тихо напевала джаз — лёгкий, игривый, будто сама ночь подпевала ему.

— Режим «Ночной полёт», — скомандовала я, запрыгивая на платформу одним движением, в котором смешались азарт и привычная уверенность. Ветер тут же подхватил край мантии, на мгновение превратив меня в силуэт из легенды — тот самый, что ведьмы шепчут друг другу у костров.

Феликс устроился рядом, недовольно ворча что-то о «бессмысленных тратах магической энергии» и «ненужных световых шоу». Его усы подрагивали от возмущения, а хвост нервно постукивал по деревянной поверхности, выдавая, что на самом деле он тоже заражён предвкушением.

— Феликс, — строго сказала я, поправляя заколку так, чтобы она поймала и отразила как можно больше света, — если бы не эти световые шоу, как бы я выделялась в потоке мини-мётел? Это не роскошь, а инструмент маркетинга личного бренда!

Кот только фыркнул, звук получился сухим и выразительным, как подпись под контрактом, где сказано «я не согласен, но сделаю». Но я заметила, как он тайком включил режим «подсветка лап» — крошечные искорки забегали по его подушечкам, придавая ему вид существа, которое ходит по звёздам. Значит, тоже готовился к вечеринке.

Платформа взмыла в воздух, плавно, без рывка — будто сама знала, что резкие движения портят образ. Город раскинулся подо мной, как карта мечты: небоскрёбы тянулись к небу, их окна горели, как глаза, наблюдающие за каждым магом и ведьмой; вывески переливались, обещая чудеса и секреты; летающие мини-мётлы с логотипом «МетлаGo» мелькали, как стайки беспокойных птиц. Одна едва не врезалась в нас — водитель, судя по всему, смотрел сторис вместо дороги, и его метла вильнула в последний момент, оставив после себя шлейф искр и запах палёного заклинания.

Мы летели над улицами, где ведьмы и волшебники спешили по своим делам, и каждый из них нёс в себе маленькую историю. Кто-то нёс пакеты с покупками из «Магического бутика» — я узнала фирменную упаковку с тиснением в виде лунных фаз: новая коллекция шарфов «Туманный вуаль» уже в продаже! Кто-то колдовал над смарт-фонами — да, у нас есть магические аналоги: они заряжаются от заклинаний и иногда показывают будущее вместо прогноза погоды. На одном экране мелькнуло изображение грозы, хотя небо над нами было чистым, — и я невольно поежилась, будто сама погода подмигнула мне какой-то тайной.

— Смотри, — указала я на витрину магазина, где ткань мантий шевелилась, словно живая, ловя свет и меняя оттенки, — новая коллекция мантий «Осенний туман». Надо будет заглянуть завтра. Видишь, как ткань меняет оттенок с серого на лиловый? Это же революция в

мире магической моды! В ней можно быть невидимой в сумерках и ослепительной на рассвете — идеальный баланс.

Феликс только закатил глаза, но я-то заметила, как он покосился на витрину с кошачьими аксессуарами — там как раз висел ошейник с зачарованием «Бесконечное мурлыканье». Его взгляд задержался на нём ровно на секунду дольше, чем требовалось для простого любопытства, и я мысленно улыбнулась: даже самые независимые фамильяры не чужды маленьким слабостям.

Вскоре впереди показался клуб «Лунный корень». Его фасад был украшен светящимися символами, которые складывались в мерцающую надпись: «Сегодня: специальный гость — Яга!». Буквы пульсировали, будто дышали, и в каждом их изгибе чувствовалась магия, древняя и дерзкая одновременно. Из окон доносилась музыка — зачарованный граммофон играл что-то ритмичное и завораживающее, а басы ощущались даже здесь, в воздухе, словно город сам подпевал этому ритму.

Платформа плавно опустилась у входа, будто присела в почтительном поклоне перед величием вечеринки. Охранник — тролль с татуировкой «Я люблю вечеринки» на руке и в жилетке с блёстками, которые мерцали так, что слепило глаза, — узнал меня и улыбнулся, обнажая клыки с инкрустированными стразами. Его улыбка была широкой, искренней и немного опасной — как и положено улыбке тролля, который знает, что может остановить любую драку одним взглядом.

— Яга! Рады видеть! — прогрохотал он, и его голос прозвучал как раскат грома, который почему-то не пугал, а радовал. — Ваш столик уже готов, и бармен приготовил специальный коктейль «Звёздный шик» — с добавлением мерцающего сиропа и пузырьками, которые поют при глотке. Говорят, они знают все старые песни леса и поют их только тем, кто умеет слушать.

— Спасибо, — улыбнулась я, входя внутрь и поправляя мантию так, чтобы вышивка особенно ярко сверкнула в свете неоновых огней. Ткань отозвалась на движение, звёзды на ней вспыхнули чуть ярче, будто приветствовали знакомые стены клуба.

Зал клуба был оформлен в стиле «волшебный лес», но это был лес, который знал, что он на вечеринке. Деревья с листьями из серебра шелестели под зачарованным ветром — их шёпот складывался в мелодию, которая то сливалась с музыкой, то становилась её продолжением. Светлячки вместо лампочек мигали в такт ритму, создавая иллюзию, что сам воздух танцует. А вместо барной стойки возвышался огромный гриб с зачарованными напитками: его шляпка переливалась всеми оттенками фиолетового и зелёного, а на поверхности танцевали маленькие феи, создавая эффект живой подсветки — их крошечные крылья рассыпали искры, которые оседали на бокалах, добавляя напиткам волшебства.

Диджей — эльф с дредами, украшенными блёстками и крошечными амулетами удачи, — заметил меня и поднял руку в приветствии. Его глаза сверкнули, как два острых кристалла, и он наклонился к микрофону, будто собирался раскрыть какую-то тайну.

— Для Яги — специальный микс! — крикнул он, и музыка стала ещё более зажигательной, а световые эффекты закружились вокруг меня, словно приветствуя старую подругу, которую давно ждали.

Я заняла свой столик — он стоял в идеальном месте: достаточно близко к танцполу, чтобы чувствовать вибрацию басов, и достаточно уединённо, чтобы можно было перевести дух и понаблюдать за жизнью клуба. Заказала коктейль «Бесконечное веселье» (с антипохмельным эффектом, конечно — я же не собиралась завтра выглядеть как оживший кошмар стилиста) и огляделась. Вокруг танцевали ведьмы в мантиях всех цветов радуги, и каждая из них была как отдельная история: у одной мерцали серьги-звёзды, будто она носила на ушах кусочки ночного неба; у другой развевался шарф, меняющий узоры, словно в нём прятались все ветры мира. Волшебники обсуждали последние новости — я уловила обрывки про новый закон о регулировании летающих средств, и кто-то мрачно пошутил, что скоро придётся получать лицензию

даже на полёт во сне. А фамилльяры лениво наблюдали за всем этим с барных стульев, потягивая молоко с мёдом и зачарованным имбирём, и в их взглядах читалось спокойное превосходство тех, кто знает: настоящая магия — не в громких заклинаниях, а в умении вовремя подать чашку кофе.

Рядом со мной материализовалась подруга — ведьма Марта, в новом платье «Лунная пыль», которое переливалось, как поверхность моря в полнолуние: то становилось глубоким синим, то вспыхивало серебристыми искрами, будто в нём жили маленькие волны. Её появление было таким плавным, что казалось, будто она не пришла, а просто проявилась, как фотография в магическом растворе.

— Яга! — воскликнула она, и её голос прозвучал как колокольчик, который невозможно не услышать. — Ты видела, что в «Инстаколдуне» уже десять тысяч репостов твоего вчерашнего образа? Все гадают, где ты взяла эту заколку! Говорят, она умеет предсказывать модные тренды — и если она выбрала тебя, значит, ты на верном пути.

— Секрет фирмы, — подмигнула я, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло от её слов. — Но, может, запущу линейку аксессуаров... Представь: «Коллекция Яги: стиль, который шепчет заклинаниями».

— Ну что, Феликс, — сказала я, поднимая бокал, и жидкость внутри заиграла, рассыпая крошечные искры, — наслаждайся вечером. Ведь завтра будет новый день, новые тренды и новые приключения. И, возможно, даже попытка Ковена испортить нам настроение — но мы им не позволим!

Феликс вздохнул, но всё же поднял свой бокал с молоком, в котором плавали крошечные мерцающие шарики — бармен добавил их для настроения, и они медленно кружились, словно пытались рассказать какую-то историю.

— За стиль, — произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то, подозрительно похожее на гордость.

— За магию, — добавила я, глядя, как свет от неоновых огней ложится на его шерсть, превращая обычного чёрного кота в существо, сотканное из теней и звёзд. — И за то, чтобы они всегда шли рука об руку! И чтобы никакие Ковены не мешали нам выглядеть безупречно!

Мы чокнулись бокалами, и в этот момент диджей запустил новый трек — такой ритмичный, что даже Феликс начал покачивать лапой в такт, сначала едва заметно, будто сам не верил, что поддаётся музыке, а потом всё увереннее, признавая: иногда магия — это просто хороший ритм и компания тех, кто тебя понимает. Вечер только начинался, и в воздухе уже витало предчувствие чего-то удивительного — того самого, ради чего и стоит зажигать звёзды.

Утро, которое пошло не по плану

Утро начиналось идеально — так идеально, что казалось, будто кто-то наверху специально выстроил этот день по лучшим канонам «счастливого утра». Солнечные лучи пробивались сквозь витражные окна моей квартиры, преломляясь в цветных стёклах и рассыпаясь по полу мозаикой из золотых, алых и изумрудных пятен. Каждый луч будто нёс с собой не просто свет, а маленькую порцию хорошего настроения — и я была готова её принять.

Зачарованные цветы на подоконнике напевали джаз — их лепестки тихо подрагивали в такт мелодии, а воздух наполнялся звуком, тёплым и уютным, как старый винил. Сегодня был «День Гленна Миллера», судя по репертуару: они выводили «In the Mood» с таким чувством, что даже чашка на столе будто покачивалась в ритме.

А я стояла перед шкафом, чувствуя себя одновременно героиней модного показа и участницей судьбоносного выбора, от которого зависит будущее вселенной. Главный вопрос дня: мантия с пайетками, которая сверкала так, что могла заменить ночную иллюминацию целого квартала, или плащ-хамелеон, способный слиться с любой обстановкой — от бала у русалок до тайного прорыва через охранные чары Ковена.

— Феликс, что скажешь? — обратилась я к коту, который нежился на подушке в позе «я — центр вселенной» и демонстративно игнорировал все проявления жизни вокруг. Его шерсть ловила свет, становясь то угольно-чёрной, то отливающей глубоким синим, будто сама квартира подстраивалась под его настроение.

Кот приоткрыл один глаз — узкую янтарную щёлочку, в которой читалось всё его отношение к утренним дилеммам. Он медленно, с видом эксперта, который видел тысячи образов и ни один из них не впечатлил его по-настоящему, оценил оба варианта. Потом лениво отозвался, растягивая слова так, будто каждое стоило ему усилий:

— Плащ. Он сегодня в тренде. И, в отличие от мантии, не будет цепляться за ветки, если вдруг придётся... э-э-э... спастись бегством.

— Мудрое решение, — кивнула я, уже представляя, как буду блистать в «Лунном корне» вечером. Плащ-хамелеон идеально сочетался с моими новыми туфлями «Небесный шаг» — они обещали лёгкость и изящество, а не полёт в стратосферу. — Кстати, Феликс, проверь, пожалуйста, антигравитационный модуль — кажется, в прошлый раз он сбоил и чуть не отправил меня в стратосферу вместо танцпола. Я до сих пор вспоминаю тот момент с лёгким содроганием: вид на облака с высоты птичьего полёта прекрасен, но не тогда, когда ты в вечернем наряде и без страховки.

Феликс издал звук, который можно было расшифровать как «опять эти твои модные заморочки», но всё же лениво поднялся, потянулся так, что его позвоночник хрустнул, и направился к обувной полке. Фамильяры обязаны помогать, даже если не хотят, — и в этом была их особая прелесть: ворчание и фырканье шли в комплекте с верностью и умением вовремя подать нужную вещь.

И тут в окно влетела сова. Не просто сова, а настоящая курьерская сова — в жилетке с логотипом Ковена Древних Ведьм. Аккурат над сердцем красовалась вышитая руна «Служу традициям», и выглядела она так серьёзно, что даже перья совы казались строже обычного. В клюве она держала свиток с восковой печатью, украшенной символами Ковена: переплетённые ветви, луна и, конечно, ступа — как напоминание о том, что свобода — это иллюзия, а долг — вечен.

— О, только не это, — простонала я, инстинктивно прикрывая плащом, будто защищая его от дурного глаза, от бюрократии и от всего, что могло испортить мой идеальный день. — Феликс, скажи, что это реклама спа-салона для фамильяров. Или каталог магических удобрений для зачарованных цветов. Или... ну хоть что-нибудь безобидное!

Сова строго постучала клювом по стеклу — тук-тук-тук, — явно намекая, что шутки неуместны, а её миссия священна и не терпит отлагательств. Звук был чётким, властным и каким-то особенно раздражающим, как звонок будильника в выходной.

— Ладно-ладно, — вздохнула я, подходя к окну и распахивая створку. — Но предупреждаю: если это очередной опрос о качестве магических услуг, я пожалуюсь в Ассоциацию защиты прав ведьм современного стиля! У нас есть стандарты комфорта, и они не включают в себя внезапные визиты сов с тяжёлыми свитками!

Сова, не удостоив меня ответом — будто разговаривать с адресатами было ниже её достоинства, — бросила свиток прямо мне в руки и, развернувшись в воздухе с изяществом опытного курьера, вылетела обратно в окно. Её силуэт на мгновение слился с утренним небом, и она исчезла, оставив после себя только лёгкий ветерок и ощущение, что теперь день уже не будет таким идеальным.

— Эй, можно было и поаккуратнее! — крикнула я ей вслед, но сова уже растворилась в утреннем небе, став просто точкой, а потом и вовсе ничем.

Я посмотрела на свиток. Печать была массивной, восковой, с тиснением — явно старались, чтобы выглядело внушительно, чтобы даже самый легкомысленный адресат понял: это серьёзно. От неё веяло запахом старого воска, чернил и чего-то неумолимого, как судьба.

— Ну-ка, посмотрим, что там за «важное сообщение», — пробормотала я, ломая печать. Воск хрустнул, как сухая ветка, и этот звук почему-то прозвучал зловеще.

Пергамент развернулся с тихим шелестом, словно сам не хотел раскрывать свою тайну, но был вынужден подчиниться. Передо мной предстал текст, написанный витиеватым почерком, буквы будто сплетались в узоры, чтобы запутать и задержать взгляд:

«Уважаемая Ядвига, по результатам магического скрининга Вы избраны в Ковен. Вам надлежит явиться в Глухолесье к полнолунию для принятия обета, получения ступы (модель „Традиция-9000“) и котла (комплект базовый). Отказы не принимаются. Подпись: Верховная Матриархесса Моргана».

Несколько секунд я молча смотрела на письмо. Потом перечитала. Потом ещё раз — на случай, если мои глаза решили сыграть со мной злую шутку, перепутав «приглашение на банкет» с «призывом в Ковен». Но нет, буквы оставались теми же, упрямыми и непреклонными.

— Ковен? В лесу? С котлом?! — воскликнула я так громко, что зачарованные цветы на подоконнике на мгновение сбились с ритма, замолчали на долю секунды, а потом, будто в ужасе от услышанного, заиграли что-то из репертуара «Похоронного марша». Даже мелодия Гленна Миллера не смогла устоять перед этой новостью. — Да я в последний раз в лесу была на пикнике с vip-пропуском! И вообще, я не «избрана», я занята! У меня завтра маникюр с зачарованием блеска, послезавтра — показ новой коллекции мантий, а через неделю — вечеринка у русалок, где я должна быть в образе «Лунной сирены»! У меня график расписан до следующего солнцестояния!

Феликс, который уже успел вернуться и теперь с любопытством разглядывал свиток, хмыкнул — звук получился сухим, но в нём слышалось сочувствие.

— Может, это ошибка? — предположил он, склонив голову набок, будто пытаясь прочитать текст под другим углом, где слова могли бы превратиться во что-то менее пугающее.

— Ошибка? — я потрясла пергаментом, и он зашуршал, как будто сам защищался от моих сомнений. — Тут даже печать с голограммой! Она переливается, видишь? И подпись — Моргана собственной персоной. Нет, Феликс, это не ошибка. Это катастрофа. Самая настоящая, масштабная, с рунами и ступой в комплекте.

Я бросила свиток на диван, как будто он мог меня укусить, и прошлась по комнате, чувствуя, как идеальный утренний настрой рассыпается, как песок сквозь пальцы. Шаги отдавались в тишине, нарушая даже тихий шёпот цветов, которые теперь играли что-то медленное и печальное.

— Что делать? Что делать?! — повторяла я, заламывая руки, и в этот момент я чувствовала себя не иконой стиля и не ведьмой, способной справиться с любым заклинанием, а просто человеком, которому принесли слишком серьёзное письмо в слишком красивый день. — Я не могу бросить всё и уехать в лес! Там же нет ни Wi-Fi, ни доставки зачарованных суши, ни салона красоты с омолаживающими зельями! Только мох, болото и... и... вязаные шали! А я не готова к вязаным шалям!

— Может, попробовать договориться? — предложил Феликс, и в его голосе прозвучало что-то, подозрительно похожее на попытку сохранить рассудок хозяйки. — Ты же мастер находить общий язык с... э-э-э... с теми, кто этого не хочет. Вспомни, как ты убедила бармена в «Лунном корне» сделать коктейль без алкоголя, но чтобы он всё равно вызывал ощущение праздника.

— Ты прав! — я щёлкнула пальцами, и в этом щелчке прозвучала новая решимость. — Будем договариваться. А пока... — я схватила коробку шоколадных лягушек, которые тихо квакали, напоминая, что даже в тяжёлые моменты есть место маленьким радостям, — попробуем откупиться от системы.

Я подошла к окну и выглянула наружу, надеясь, что сова ещё не улетела слишком далеко, что она где-то там, кружит над крышами, и если очень попросить, может, вернётся.

— Эй, уважаемая! — крикнула я в утреннее небо, и голос мой прозвучал немного отчаянно, но я не стыдилась этого отчаяния. — Вернитесь, пожалуйста! У меня тут шоколадные лягушки с мятной начинкой — они даже квакают, когда их ешь! Это редкая партия, коллекционная! Может, за них вы заберёте письмо обратно и сделаете вид, что ничего не было?

Но совы нигде не было видно. Только лёгкий ветерок играл с занавеской, будто насмехаясь надо мной, и солнечные лучи продолжали рисовать свои цветные узоры, равнодушные к моим бедам.

— Ну и ладно, — буркнула я, оборачиваясь к Феликсу. — Будем действовать по плану Б.

— А план Б — это?.. — лениво поинтересовался кот, вылизывая лапу с таким видом, будто весь этот Ковен был не более чем досадным недоразумением, которое скоро рассеется само собой.

— Звонок другу... точнее, адвокату! — твёрдо сказала я, чувствуя, как паника понемногу уступает место привычному азарту: ведь если есть проблема, значит, есть и способ её решить — желательно стильно, эффектно и с минимальными потерями для гардероба.

Звонок адвокату

Я схватила зачарованный телефон — хрустальную сферу с серебряными рунами по бокам. Руны были выведены тонкой, почти ювелирной вязью: казалось, будто кто-то сплёл из серебра не просто символы, а целую историю, и теперь она тихо шептала, отзываясь на каждое моё движение. Сфера засветилась мягким голубым светом — он лился изнутри, как свет далёкой звезды, упрятанной в хрусталь, — и через пару гудков, тягучих и немного потусторонних, раздался скрипучий голос моего адвоката:

— Алло, Абрам Соломонович? Это Ядвига. У меня проблема.

— Ядвига Яга? — отозвался он, и в его голосе слышалось то самое усталое узнавание человека, который уже привык к тому, что проблемы у меня всегда масштабные и с элементами волшебства. — Опять что-то с налогами на магические доходы? В прошлый раз ты пыталась заплатить зельями молодости — налоговая до сих пор в шоке. Говорят, у инспектора до сих пор кожа сияет так, что в тёмной комнате можно читать без заклинания.

— Хуже! — выдохнула я, и от этого «хуже» даже воздух в комнате будто потяжелел, стал гуще, как перед грозой. — Меня избрали в Ковен!

На том конце провода повисла пауза. Я почти слышала, как Абрам Соломонович медленно ставит чашку с зачарованным чаем на блюдце — он всегда так делает, когда новость его шокирует: ставит с особой, нарочитой аккуратностью, будто от того, насколько ровно встанет чашка, зависит судьба магического мира.

— А... — протянул адвокат, и в этом «а» прозвучало столько веков бюрократической мудрости, что мне на мгновение стало не по себе. — Ну, это серьёзно. Похуже налогов будет.

— И что делать? — я нервно теребила край плаща-хамелеона, и ткань тут же отозвалась на моё волнение: цвет начал меняться с лазурного на тревожно-красный, потом на глубокий фиолетовый, будто плащ пытался подобрать оттенок, который лучше всего отражал бы моё смятение. — Есть какой-то способ отказать? Может, формальность какая-то? Или лазейка в магическом кодексе? Я готова подписать любую бумагу, произнести любое заклинание, лишь бы не ехать в лес!

— Избрание магическое, контракт нерушимый, — вздохнул Абрам Соломонович, и этот вздох был таким тяжёлым, что, казалось, долетел до меня не по эфиру, а по воздуху, осязаемый и прохладный, как сквозняк из приоткрытой двери в прошлое. — Подписан на уровне астрального поля, скреплён кровью предков и печатью Ковена. Отказы не принимаются, апелляции рассматриваются в порядке очереди...

— Отлично! — перебила я, не в силах больше слушать эту обречённую интонацию. — Тогда подавай апелляцию! Немедленно! Пусть хоть кто-нибудь там поймёт, что у меня график расписан до следующего солнцестояния!

— Могу подать апелляцию... — медленно произнёс адвокат, и эта медлительность была хуже любого отказа: она означала, что он подбирает слова, чтобы не ранить, но всё равно придётся сказать что-то неприятное.

— Ну? — я затаила дыхание, чувствуя, как сердце стучит где-то в горле, мешая говорить, мешая думать.

— Через 99 лет.

— Что?! — мой голос взлетел на октаву выше, стал пронзительным, почти звенящим, и зачарованные цветы на подоконнике вздрогнули, будто их коснулся резкий порыв ветра. Они тут же сбились с мелодии, перестроившись на «Реквием» — мрачный, тягучий, идеально подходящий к моменту. — 99 лет?! Да к тому времени я уже стану бабушкой-ведьмой с вязаной шалью и ступой на автопилоте! Я буду летать, даже не понимая, куда, потому что ступа сама решит, что мне пора на собрание!

— Магия, дорогая, — развёл руками Абрам Соломонович (я это буквально почувствовала через трубку: этот жест, такой знакомый, такой по-человечески беспомощный перед лицом вековой бюрократии). — Быстрых решений тут не бывает. Бюрократия древняя, традиции вековые, печати многослойные... Всё рассчитано на вечность. Разве что...

— Что? — я подалась вперёд, вцепившись в телефон так, что руны на сфере замигали предупреждающим жёлтым светом, будто сами пытались меня успокоить: «Не дави, не дави, магия не любит спешки».

— Разве что ты докажешь, что не ведьма, — закончил адвокат, и эти слова прозвучали как приговор, холодный и нелепый одновременно.

Я молча опустила сферу на стол. Хрусталь глухо стукнулся о дерево, и этот звук отозвался во мне, как эхо чего-то безвозвратно ушедшего. В голове крутились мысли, быстрые и острые, как осколки стекла: «Не ведьма? Я? Да я мантии зачаровываю лучше, чем некоторые зелья варят! Мой гардероб — это отдельная магическая система, со своими законами и ритуалами! А Феликс? Он фамильяр или кто?!»

— И это всё? — глухо спросила я, чувствуя, как паника понемногу уступает место чему-то другому — не то отчаянию, не то упрямой решимости. — Никаких вариантов? Никаких хитростей? Никаких секретных пунктов в сносках, которые никто не читает?

— Ну... — Абрам Соломонович замялся, и это «ну» было самым обнадеживающим звуком за всю нашу беседу. — Можно попробовать доказать, что Ковен ошибся в выборе. Но для этого нужно пройти полную магическую диагностику в Главном Магическом Реестре. Процедура длится 40 дней, и, честно говоря, я не уверен, что они вообще признают ошибку. Там такие специалисты сидят, что могут усомниться даже в том, что солнце — это звезда.

— 40 дней? — я застонала, и этот стон был не столько от усталости, сколько от осознания масштаба катастрофы. — Это же вечность! За 40 дней я успею состариться, сменить имидж три раза и забыть, зачем вообще всё это начинала!

— Сочувствую, Ядвига, — искренне сказал адвокат, и в его голосе прозвучало то редкое тепло, которое появляется у людей, привыкших иметь дело с абсурдом и всё равно старающихся помочь. — Но помни: стиль — это тоже магия. Может, ты сумеешь перевоспитать Ковен? Внедришь там тренды, откроешь салон красоты в Глухолесье... Говорят, там даже зеркала до сих пор показывают не отражение, а генеалогическое древо в трёх поколениях.

— Вот именно! — я выпрямилась, и настроение вдруг улучшилось, как бывает, когда из хаоса внезапно проступает план. В груди разгорелся огонёк азарта, горячий и упрямый. — Ты дал мне идею, Абрам Соломонович! Спасибо!

— Э-э-э... всегда рад помочь, — осторожно отозвался адвокат, и я почти увидела, как он слегка отодвигается от трубки, будто предчувствуя, что сейчас начнётся что-то масштабное. — Но если что — звони. За отдельную плату могу составить петицию «О необходимости введения дресс-кода в Ковене».

— Договорились! — я отключила связь, и хрустальная сфера медленно погасла, оставив после себя лишь лёгкое мерцание на кончиках пальцев — будто магия телефона не хотела отпускать меня в обычный мир.

Я повернулась к Феликсу, который меланхолично вылизывал лапу, делая вид, что весь этот разговор его не касается, что судьбы Ковенов и ведьм — это не его забота, а вот чистота шерсти — дело святое.

— Ну что, пушистый мой, — мрачно сказала я, но в глазах уже загорался огонёк, в котором смешивались вызов, предвкушение и немного безумия, — похоже, нас ждёт приключение. И я уже знаю, что сделаю в первую очередь.

— Что? — заинтересовался Феликс, на секунду прервав свой гигиенический ритуал. Его усы дрогнули, выдавая любопытство, которое он так старательно прятал за маской безразличия.

— Зайду в «Магический бутик» и куплю самую яркую мантию, — торжественно объявила я, и слова прозвучали почти как заклинание, как обещание, которое нельзя нарушить. — Пусть Ковен увидит, что их «избранница» — это не просто ведьма, а икона стиля! И если уж мне придётся там быть, я заставлю их пересмотреть все эти старомодные правила. Ступа? Будет с подсветкой! Котёл? Сделаем его мультиваркой с режимом «капучино»! Я научу их, что магия — это не только дым и шёпот, но и безупречный образ!

Феликс вздохнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение — или, по крайней мере, на готовность смириться с неизбежным.

— Только не забудь про мой новый ошейник с блёстками, — буркнул он, слегка подёргивая хвостом, будто сам не верил, что произносит эти слова. — Раз уж мы идём революционизировать Ковен, я тоже должен выглядеть соответствующе.

— Обязательно, — рассмеялась я, и смех прозвучал легко, как будто вся тяжесть мира вдруг стала чуть легче, потому что рядом был тот, кто готов ворчать, но всё равно пойдёт следом. — Мы покажем им, что магия и стиль — неразделимы!

Я подошла к зеркалу, взмахнула плащом — тот эффектно переливался всеми цветами радуги, ловя свет и превращая его в маленькие вспышки, словно хотел сказать: «Да, я готов к битве!» — и подмигнула своему отражению. В нём я увидела не просто ведьму, а героиню, которой предстоит перевернуть привычный порядок вещей.

— Готовься, Глухолесье, — прошептала я, и в этой тишине слова прозвучали особенно громко, как клятва. — Ядвига идёт менять твои традиции!

«Я не ведьма, я инфлюенсер!»

Я рассказывала по гостинной, сжимая в руках зачарованный смартфон — тот самый, что заряжался от заклинаний и иногда показывал будущее вместо прогноза погоды. Вчера, например, он предсказал, что я забуду ключи, — и точно, пришлось вызывать Феликса с дубликатом. Кот тогда явился с таким видом, будто совершает подвиг мирового масштаба, а не просто приносит связку металлических предметов.

Экран смартфона сейчас был тёплым от моего волнения, а по стеклу пробежали тонкие серебристые линии — словно магия внутри устройства пыталась подстроиться под мой настрой, но не знала, выбрать ли «режим ярости» или «режим вдохновляющего монолога».

— Феликс, — решительно сказала я, останавливаясь перед зеркалом и поправляя прядь волос так, чтобы она легла идеально, будто сама судьба зависела от этой пряди, — пора действовать. Если Ковен хочет войну — он её получит. Но не магическую, с молниями и проклятиями, а информационную!

Феликс приподнял бровь, оторвавшись от вылизывания лапы, и лениво поинтересовался, будто речь шла не о судьбоносном восстании, а о выборе между сухим и влажным кормом:

— Информационную? Это как?

— Я запускаю кампанию #СвободуЯге! — торжественно объявила я, всплеснув руками так, что мантия «Звёздный шик» эффектно взметнулась, рассыпав по комнате крошечные искры, похожие на застывшие звёзды. — И параллельно — #КовенОтстой. Будем просвещать народ о том, как древние традиции душат свободу самовыражения! Ведьмы имеют право на стиль, Феликс! На каблуки, на голографические аксессуары, на антигравитационные ступы в конце концов!

Кот скептически прищурился, и в этом прищуре читалось всё его многовековое фамильярное недоверие к любым «революциям», особенно если они грозили нарушить привычный распорядок дня.

— Думаешь, это сработает? — протянул он. — Ковен существует веками...

— Веками — да, но веками — скучно! — перебила я, не давая ему закончить эту угнетающую мысль. — Пора встряхнуть их дремучие устои. Магия должна быть яркой, зажигательной, модной! Не серой, как пепел в старом очаге, а сверкающей, как фейерверк над «Лунным корнем» в самую громкую ночь года!

Я активировала режим «Эфир» на смартфоне. Экран засветился мягким голубым светом, и передо мной появилась голографическая панель с настройками трансляции. В углу мигнул индикатор — 50 000 подписчиков онлайн. Цифра замерцала, словно подмигнула: «Мы готовы. Начинай».

— Дорогие подписчики, — начала я, принимая самую эффектную позу перед зеркалом: угол 45 градусов, подбородок чуть вверх, взгляд проникновенный, будто я видела не просто комнату, а всю историю магического мира и знала, как её переписать, — сегодня я столкнулась с вопиющей несправедливостью! Меня, стильную, модную, современную ведьму, пытаются загнать в лес к котлу и ступе! Разве это справедливо? Разве магия должна быть такой... старомодной?

Я сделала драматическую паузу, поправила заколку «Привлекаю внимание» (та послушно вспыхнула алым, будто сама хотела высказаться), и продолжила с пафосом, который мог бы заставить даже каменные статуи в парке «Заколдованных муз» аплодировать:

— Поддержите меня хештегами #СвободуЯге и #КовенОтстой! Пусть весь мир узнает, что ведьмы могут быть не только в балахонах, но и в мантиях от кутюр! Что мы можем колдовать не только над зельями, но и над трендами! Что ступа — это не транспорт, а аксессуар! И если уж она должна быть, пусть хотя бы светится в темноте!

Феликс скептически наблюдал за происходящим, полуприкрыв глаза, но я чувствовала, что где-то глубоко внутри он гордится мной. Или, по крайней мере, восхищается моей способностью делать драму из любой ситуации — а это тоже своего рода искусство.

— Думаешь, сработает? — повторил он, будто проверяя, не передумаю ли я в следующую секунду и не вернусь ли к выбору между мантией и плащом.

— Конечно! — я сделала селфи с трагическим выражением лица — идеальный кадр для сторис: глаза полные боли, но макияж безупречен, будто сама вселенная позаботилась о том, чтобы даже в момент отчаяния я выглядела как икона стиля. — У меня 50 000 подписчиков в «Инстаколдуне». Если каждый репостнет — это будет вирусный взрыв! Мы создадим тренд, Феликс! #ВедьмыВСтиле, #МагияНеТолькоВКотле...

Первые комментарии не заставили себя ждать — экран замигал уведомлениями, как новогодняя ёлка, которая вдруг решила, что праздник уже наступил:

«Яга, мы с тобой!»

«Ковен — это прошлый век!»

«Да здравствует мода!»

«Поддерживаю! Хочу мантию с голограммой!»

«Яга — икона стиля!»

Я захлопала в ладоши от восторга, и искры от мантии закружились в воздухе, будто танцевали вместе со мной.

— Видишь, Феликс? — воскликнула я, чувствуя, как внутри разгорается огонь, который не потушить ни одним древним заклинанием. — Вирусный эффект! Мы меняем мир!

Но через час экран смартфона замерцал тревожным красным и застыл на слове «Загрузка...». Оно повисло в воздухе, как приговор, холодный и безжалостный.

— Что за?.. — я потрясла устройство, постучала по экрану, подула на него, будто магия могла вернуться от простого движения воздуха. — Ну же, работай! Не смей сдаваться сейчас, когда всё только началось!

— Верховная Матриархесса активировала заклинание «Вечная загрузка», — констатировал Феликс, изучая экран с видом эксперта, который давно знал, что любая революция сталкивается с бюрократией, даже если эта бюрократия — магическая. — Твой аккаунт заблокирован.

На мгновение я замерла. В груди закипала обида — как они посмели лишить меня голоса, моей аудитории, моего права на самовыражение? Это было хуже, чем если бы у меня отобрали любимую мантию или отключили подсветку платформы. Но уже через секунду во мне вспыхнул боевой азарт, горячий и упрямый, как пламя, которое не гаснет даже под дождём.

— Ну и ладно, — я не сдавалась, выпрямилась и расправила плечи так, будто на них лежала не мантия, а вся тяжесть несправедливости, которую я собиралась сбросить одним движением. — У нас есть другие платформы! «Твит-Заклинатель», «Ток-Чары», «Магический Взгляд»... И офлайн-протест! Мы выйдем на улицы, Феликс! Будем раздавать листовки с лозунгами «Магия ≠ старомодность»!

Кот вздохнул — этот вздох был таким глубоким, что, казалось, в нём отразилась вся усталость мира от человеческих (и ведьминских) порывов менять устои.

— Ты неудержима, — пробормотал он.

— Именно! — я подмигнула ему, и в этом подмигивании было столько уверенности, что даже воздух в комнате будто стал чуть легче. — Потому что стиль — это тоже магия. И я докажу это Ковену, хочешь ты того или нет!

Я схватила сумку, в которой уже лежали зачарованные стикеры «#СвободуЯге» — они тихонько перешёптывались между собой, будто готовились к битве, — и направилась к двери, чувствуя, как каждый шаг отдаётся в груди не просто ритмом, а обещанием перемен.

— Пошли, Феликс. Революция начинается прямо сейчас! — бросила я через плечо, уже зная, что он последует за мной. Может, ворча, может, вздыхая, но пойдёт. Потому что он не просто фамильяр — он мой союзник.

И когда дверь за нами закрылась, гостиная на мгновение осталась пустой, только зачарованные цветы на подоконнике тихо перебрали ноты какой-то старой мелодии — будто прощались с тишиной и приветствовали бурю.

«Подкуп»

— Раз соцсети не сработали, попробуем дипломатию, — объявила я на следующий день, решительно захлопывая крышку шкатулки с зачарованными стикерами «#СвободуЯге». Крышка щёлкнула, будто поставила точку в целой эпохе онлайн-борьбы, и стикеры внутри обиженно затихли, словно понимали: теперь ставка делается на живое общение. — Феликс, доставай подарочную коробку. Мы идём к Матриархессе с миром... и спа-абонементом.

Кот оторвался от вылизывания лапы и скептически посмотрел на меня. В его взгляде читалось всё: от «ты серьёзно?» до «я даже не хочу представлять, чем это закончится».

— Ты правда думаешь, что её можно подкупить? — протянул он. — Она же символ традиций, хранительница древних устоев... Для неё слово «спа» звучит примерно как «кошунство».

— Именно! — перебила я, чувствуя, как в груди разгорается тот самый азарт, который всегда появлялся, когда я собиралась сделать что-то дерзкое, но при этом абсолютно уверенная, что всё получится. — А значит, она точно устаёт от всей этой серьёзности. Каждому нужен отдых, Феликс. Даже Верховной Матриархессе. Представь: она выходит после спа-процедур — помолодевшая, посвежевшая — и говорит: «Знаете что? А давайте внесём в Ковен немного лёгкости! Разрешим мантии с пайетками и антигравитационные ступы!»

Феликс только вздохнул — этот вздох был таким многозначительным, что в нём слышалось целое эссе на тему «почему ведьмы не должны заниматься дипломатией». Но всё же он достал из шкафа роскошную подарочную коробку — ту самую, с зачарованным бантом, который мерцал, как северное сияние, переливаясь всеми оттенками синего и фиолетового, будто сам хотел убедить всех вокруг, что внутри — не просто подарок, а настоящее чудо.

В «Магическом бутике» я выбрала самый роскошный набор, не скупясь ни на слова, ни на магию. Продавец смотрел на меня с восхищением и лёгким ужасом — видимо, понял, что я собираюсь штурмовать не просто магазин, а саму систему.

Антивозрастное зелье «Вечная молодость» — с экстрактом русалочьих водорослей. Пахло оно морем, солью и чем-то неуловимо волшебным, будто само море шептало: «Ты будешь прекрасна». Обещанный эффект звучал как мечта: «как после отпуска у русалок» — когда кожа сияет, глаза горят, а все проблемы кажутся далёкими и незначительными.

Маска для лица «Лунное сияние» — наносится на 15 минут, после чего кожа светится так, что можно отказаться от подсветки на вечерних приёмах. Я представила, как Матриархесса выходит к Ковену, и её лицо мягко светится, словно она впитала в себя весь лунный свет мира, — и чуть не рассмеялась от этой картины.

Абонемент на 10 процедур «Волшебное омоложение» включал массаж зачарованными кристаллами и ароматерапию с эфирными маслами фей. Говорят, после такого сеанса даже самые суровые ведьмы начинали улыбаться без причины.

И, наконец, подарочный сертификат в салон «Зачарованная причёска» — гарантировал укладку, которая держится три лунных цикла и меняет форму в зависимости от настроения. То есть, если Матриархесса вдруг решит, что сегодня ей хочется быть не грозной правительницей, а лёгкой и воздушной, её волосы сами подхватят эту идею.

Коробка переливалась всеми цветами радуги, а бант мерцал так ярко, что Феликс прищурился, будто смотрел прямо на солнце.

— Надеюсь, это не привлечёт внимание каких-нибудь магических мотыльков, — проворчал он. — Они обожают всё блестящее. И если на нас налетит рой из сотни мотыльков, я даже не буду пытаться их отгонять. Это будет твоя вина.

— Зато привлечёт внимание Матриархессы, — подмигнула я, чувствуя себя генералом перед решающей битвой. — Поверь, никто не устоит перед таким подарком. Даже самая суровая хранительница традиций.

Мы прибыли в резиденцию Ковена — мрачное здание из чёрного камня, башни которого напоминали острые пальцы, тянущиеся к небу, будто хотели схватить облака и удержать их над собой. Вокруг витал запах древних заклинаний и немного — плесени, как будто само здание было слишком старым, чтобы позволить себе такую роскошь, как свежий воздух.

Стражники в балахонах преградили нам путь, скрестив деревянные жезлы так, что между ними не проскользнула бы даже самая ловкая фея. Их лица были непроницаемы, как каменные маски, и я уже приготовилась к долгой и нудной речи о правах ведьм на самовыражение, но тут я демонстративно приподняла крышку коробки.

Лучи света, отразившись от мерцающего банта, рассыпались по каменным стенам, превращая мрачный двор в подобие волшебного бала. Глаза стражников расширились, и в них на мгновение мелькнуло то самое выражение, которое бывает у котов, увидевших огромную миску сметаны.

— Это... для Верховной? — хрипло спросил один из них, и голос его дрогнул, будто он уже представлял, как сам воспользуется хотя бы одним из этих зелий.

— Да, — лучезарно улыбнулась я, стараясь вложить в эту улыбку всё своё обаяние, всю свою уверенность и немного магии, чтобы она звучала как заклинание. — Личный подарок. От меня лично. С уважением. И с надеждой на взаимопонимание.

Стражники переглянулись, и в этом перегляде читалось: «Если мы пропустим их, и подарок сработает, может, и нам что-нибудь перепадёт». Они молча расступились, будто сами стены резиденции решили, что сегодня лучше не стоять на пути у чего-то настолько блестящего.

Верховная Матриархесса Моргана восседала на троне из переплетённых ветвей. Ветви были тёмными, почти чёрными, и казалось, что они живут своей собственной жизнью: то чуть шевелились, то замирали, прислушиваясь к каждому слову, произнесённому в зале. Её седые волосы были уложены в сложную причёску, в которой, казалось, застыли века мудрости и тысячи запретов. Мантия казалась сотканной из тени и лунного света — она не просто покрывала плечи, а словно обволакивала саму атмосферу вокруг, делая воздух тяжелее и значительнее.

Она подняла взгляд, и её глаза, холодные и пронизательные, остановились на мне, будто пронзили насквозь, добираясь до самых потаённых мыслей.

— Уважаемая Матриархесса, — я сделала реверанс, стараясь не задеть коробку каблук туфли «Небесный шаг» (потому что испортить такую туфлю в такой момент было бы преступлением против моды), — примите этот скромный дар в знак моего уважения и искреннего восхищения вашей мудростью.

Она взглянула на коробку, затем на меня. Её брови слегка приподнялись — совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы я поняла: она удивлена. А удивить Матриархессу — это уже маленькая победа.

— Что это? — голос её прозвучал ровно, без эмоций, но в этой ровности слышалась угроза, как в тишине перед грозой.

— Спа-набор, — я улыбнулась ещё лучезарнее, чуть ли не сияя от энтузиазма, как будто предлагала не косметику, а ключ к вечной гармонии. — С антивозрастными зельями. Уверена, после процедур вы почувствуете себя на 20 лет моложе! Представьте: кожа гладкая, волосы блестят, а взгляд полон энергии — вы сможете провести заседание Ковена с удвоенной харизмой!

Лицо Матриархессы побагровело. Цвет распространялся по её щекам, как пожар по сухой траве, и на мгновение мне показалось, что она сейчас испепелит меня взглядом, не тратя даже капли магии.

— Мы храним традиции, а не морщины! — прогремела она так, что стены дрогнули, а ветви трона судорожно сжались, будто пытались удержать саму реальность от разрушения. — Ты оскорбляешь Ковен, предлагая мне эти... косметические глупости!

Коробка в её руках вспыхнула алым пламенем — ярким, злым, безжалостным. Огонь не потрескивал, не шумел, он просто был, поглощая всё, что в ней находилось. Через мгновение от роскошного набора осталась лишь горстка пепла, которая медленно осела на каменный пол, как невесомый приговор.

— В следующий раз, — холодно добавила она, и от этого холода даже воздух в зале стал гуще, — будешь отрабатывать наказание в котле. Чистить его вручную. И без магии.

Мы с Феликсом поспешно ретировались. Двери из чёрного дуба захлопнулись за нами с глухим, окончательным стуком, и только тогда я выдохнула, будто до этого момента вообще не дышала:

— Фух. Это было близко.

— Ты хоть понимаешь, что только что подписалась на чистку котла? — Феликс посмотрел на меня с таким укором, что даже его усы казались обвиняюще опущенными.

— Технически — нет, — я поправила мантию, стараясь вернуть себе хотя бы видимость достоинства. — Она сказала «в следующий раз». Значит, у нас есть время придумать что-то ещё. Пока что мы просто... слегка разозлили систему.

— Ну что ж, — вздохнула я, когда мы оказались на безопасном расстоянии от мрачных стен Ковена, и воздух снова стал обычным, а не пропитанным древними запретами, — план «Б» провалился. Переходим к плану «В».

— И что в нём? — поинтересовался Феликс, потягиваясь так, будто пытался стряхнуть с себя остатки напряжения, как кошка стряхивает капли дождя.

— Саботаж, — зловеще улыбнулась я, и глаза мои загорелись азартом, чистым и ярким, как фейерверк в полночь. — Самый весёлый из всех планов. Мы устроим в Глухолесье такую вечеринку, что Ковен забудет про свои строгие правила хотя бы на одну ночь! Светляки вместо свечей, диджей-тролль, пунш в котле...

— Пунш в котле? — Феликс приподнял бровь, и в его взгляде мелькнуло что-то новое — не скепсис, а скорее любопытство. — Это уже звучит интереснее.

— Вот именно! — я хлопнула в ладоши, и звук прозвучал как начало чего-то грандиозного. — Магия должна приносить радость, а не только обязательства. Пошли, пушистый мой, будем готовить революцию!

Феликс вздохнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на предвкушение — будто где-то глубоко внутри он тоже мечтал о ночи, когда даже самые строгие правила можно будет на время забыть.

— Ладно, — буркнул он. — Но если меня заставят чистить котёл, я буду делать это в новом ошейнике с блёстками. Для морального комфорта.

— Договорились! — рассмеялась я, и смех мой звенел, как колокольчики на ветру, лёгкий и дерзкий. — Начинаем подготовку к самой дерзкой вечеринке в истории Ковена!

Вечеринка как провокация

Я стояла на крыльце главного зала Ковена и с замиранием сердца наблюдала, как мои чары вступают в силу. Ещё час назад это место выглядело так уныло, что даже солнечный свет будто боялся сюда заглядывать: серые камни, строгие статуи древних ведьм с каменными лицами, воздух, пропитанный запахом сухих трав и вековой рутины — словно сама атмосфера здесь была сшита из старых, жёстких одеял, которые никто не решался встряхнуть.

Теперь же двор переливался жизнью. Свет, который раньше казался тусклым и безразличным, вдруг стал тёплым, живым, будто научился радоваться вместе с нами.

— Ну что, Феликс, — прошептала я, поправляя заколку «Привлекаю внимание» (та послушно вспыхнула алым, будто сама хотела поучаствовать в заговоре), — пора показать этим консерваторам, что магия может быть весёлой!

Феликс, восседавший на перилах с видом королевского советника, который давно знает, чем всё закончится, но всё равно остаётся рядом, лениво махнул хвостом.

— Только не удивляйся, если тебя за это отправят чистить котлы на сто лет, — пробурчал он, но в его голосе не было настоящего осуждения — скорее, это была привычная форма заботы: «я предупреждаю, потому что мне не всё равно».

— Пф, — я щёлкнула пальцами, и котёл, стоявший у входа для ритуальных нужд, с весёлым бульканьем превратился в фонтан пунша. Пузырьки в нём не просто лопались — они пели. Одни басили в ритме, другие выводили высокие ноты, а самые мелкие подпевали хором припев: «It's my life, it's now or never...». Казалось, даже магия внутри них решила, что хватит быть серьёзной.

— Видишь? — я подмигнула Феликсу, чувствуя, как внутри разгорается тот самый огонь, который появляется, когда делаешь что-то дерзкое и при этом абсолютно правильное. — Даже пузырьки знают, что пора жить на полную!

Феликс фыркнул, но я заметила, как его усы дрогнули в улыбке — совсем чуть-чуть, так, что, если бы я не знала его так хорошо, могла бы и не заметить.

Светляки, которых я заранее подговорила (и даже угостила зачарованным нектаром, чтобы они не струсили), сорвались с деревьев и закружились над двором, складываясь в неоновые надписи: «#МагияМожетБытьЯркой», «Яга — это стиль!», «Танцуй или проиграешь!». Они носились в воздухе, как маленькие звёзды, решившие устроить собственный праздник.

Диджей-тролль, которого я выторговала у русалок за три флакона «Зелья вечной молодости» (русалки потом долго вздыхали, глядя на свои руки и надеясь, что морщинки вернутся хотя бы к полнолунию), уже занял позицию у зачарованного граммофона. Он крутанул ручку — и пространство взорвалось битом, от которого даже древние статуи начали покачиваться в такт. Одна из них, с особенно строгим лицом, вдруг подмигнула мне каменным глазом — видимо, вспомнила молодость, когда сама могла танцевать до рассвета.

— Начинается! — я взмахнула рукой, и мантии ведьм, до этого строго-серые, будто впитавшие в себя всю серьёзность мира, начали мерцать и менять цвет: у одной вспыхнули изумрудные завитки, у другой заструились фиолетовые волны, третья ахнула, обнаружив на рукаве россыпь золотых звёзд, которые тут же принялись тихо перешёптываться между собой.

Молодые ведьмы, которые до этого стояли кучками и перешёптывались, не выдержали. Одна, совсем юная, в очках с зачарованными линзами, которые, казалось, видели мир чуть ярче, чем он был на самом деле, первой пустилась в пляс. За ней последовали другие. Кто-то начал подпевать пузырькам пунша, кто-то пытался повторить движения тролля, который уже вовсю отплясывал у граммофона, размахивая своей тростью, как дирижёрской палочкой.

Старшие члены Ковена хмурились, переглядывались, качали головами... Но я-то видела: одна из них, та, что с серебряными волосами до пояса, незаметно притоптывала ногой в такт,

будто пыталась убедить себя, что это просто судорога. А другая, в мантии с вышитыми рунами, тайком коснулась рукава, заставив узор вспыхнуть алым — и тут же сделала вид, что просто почесала руку.

Я поймала взгляд Феликса:

— Видишь? Они хотят этого! Просто забыли, каково это — радоваться. Забыли, что магия — это не только заклинания и запреты, но и смех, и свет, и музыка, которая заставляет сердце биться быстрее.

Кот лишь фыркнул, но я заметила, как он слегка покачивает лапой в такт музыке — совсем незаметно, будто сам не хотел признаваться, что ему нравится.

Музыка гремела, светляки выписывали спирали, ведьмы смеялись и кружились. Я чувствовала, как магия витает в воздухе — не та, что запечатывает разломы и останавливает бури, а другая: лёгкая, искрящаяся, заразительная. Пузырьки всё пели: «I just want to live while I'm alive...» — и казалось, будто весь Ковен на мгновение забыл о своих правилах и просто... жил.

И вдруг — тишина. Резкая, оглушительная, будто кто-то выдернул вилку из розетки, питавшей весь этот праздник. Музыка оборвалась на полутакте, светляки замерли в воздухе, словно испугавшись собственной смелости, пузырьки пунша повисли, не лопааясь, и даже их песня оборвалась на середине фразы.

Я обернулась. На балконе, высоко над толпой, стояла Матриархесса Моргана. Её мантия была чернее ночи, будто вобрала в себя все тени мира, а лицо оставалось непроницаемым — таким, что даже самые смелые светляки предпочли бы не встречаться с этим взглядом.

Она смотрела на нас, и от её взгляда даже пузырьки начали медленно опускаться вниз, теряя мелодию, как теряют голос от страха.

Ведьмы замерли. Молодые — с виноватыми улыбками, будто их поймали за чем-то неприличным, старшие — с облегчением, словно наконец-то дождались того, что всё вернётся на круги своя. Только Феликс, устроившийся у моих ног, тихо прошипел:

— Ну вот. Сейчас будет лекция о «падении нравов» и «забвении традиций».

Матриархесса подняла руку. Голос её, глубокий и властный, разнёсся над двором, не громом, но чем-то куда более тяжёлым — словом, которое нельзя игнорировать:

— Праздник — это хорошо, — сказала она, и в этих словах прозвучало что-то неожиданное — не просто осуждение, а будто признание права на радость. — Веселье — это дар, который нельзя отрицать. Но Ковен существует не для танцев. Мы — стражи. Наши обязанности требуют дисциплины, сосредоточенности, единства. Завтра в 6 утра — построение. И да, Ядвига, не забудьте получить форму.

Она повернулась и исчезла в дверях, оставив после себя шлейф аромата сухих трав и чего-то ещё — то ли угрозы, то ли предостережения, а может, и намёка: «Я вижу тебя. И я знаю, что ты не такая, как все».

Вокруг зашептались. Молодые ведьмы переглядывались, старшие кивали, будто говоря: «Вот, мы же предупреждали. Порядок должен быть».

Я опустила глаза на свои туфли «Небесный шаг», которые ещё минуту назад сияли всеми цветами радуги, отражая свет и радость этого вечера. Теперь они были просто чёрными. Строгими. Правильными.

— Ну, Феликс, — вздохнула я, чувствуя, как эйфория праздника медленно уступает место реальности, — кажется, веселье закончилось.

Кот потянулся, зевнул, будто весь этот переполох был не более чем поводом размять мышцы, и хитро прищурился:

— Зато теперь будет что вспомнить. И, знаешь, — он слегка наклонил голову, и в его взгляде мелькнуло что-то заговорщическое, — форма — это вызов. Даже в сером можно выглядеть восхитительно. Особенно если знать секрет.

Я невольно улыбнулась. В кармане у меня лежало кружевное бельё цвета лаванды — подарок русалок на прошлый день рождения. Никто, кроме меня, не увидит его под балахоном... но я-то буду знать. И этого достаточно.

— Ты прав, — я расправила плечи, и в этом движении было не столько упрямство, сколько обещание: я не сдамся. — Серый? Отлично. Но это мой серый. И завтра я покажу им, что даже форма не может убить стиль.

Феликс мурлыкнул — тихо, почти неслышно, но этот звук был самым лучшим одобрением, какое только можно было получить.

— Вот это настрой, — протянул он. — А теперь, может, ещё по пузырьку пунша? Пока его окончательно не запретили.

Я рассмеялась, и смех прозвучал легко, будто не было ни грозных взглядов, ни завтрашних построений, ни тяжёлых традиций. В этот момент всё снова стало простым: я, мой фамилляр и крошечная магия радости, которую никто не сможет забрать.

В этот момент один из светляков, самый смелый, самый упрямый, вспыхнул у моего уха и прошептал:

— #МагияМожетБытьЯркой.

И я поняла: это только начало. Не конец, а первый шаг. Потому что если даже один светляк не сдался, значит, и мне нельзя.

Опоздание и серый вызов

— Феликс... — простонала я, уткнувшись лицом в подушку, будто надеялась, что если не видеть мир, то и мир не увидит моего опоздания. — Который час?

Кот, удобно устроившийся у меня в ногах, приоткрыл один глаз — тот самый, который у него отвечал за «я всё вижу, но делать ничего не буду».

— Шесть ноль три, — невозмутимо подтвердил он.

— Что?! — я подскочила так резко, что комната на секунду поплыла перед глазами, а потом вернулась на место с обиженным скрипом. — Шесть?! Но... но... построение же в шесть!

— Именно, — Феликс лениво потянулся, выгибая спину дугой, будто демонстрировал: «Вот как надо начинать день — без суеты». — Ну опоздала ты на три минуты, чего орать-то?

Я метнулась к окну. Сквозь туманную дымку рассвета виднелись мрачные башни Ковена — далёкие, неприступные, будто специально построенные так, чтобы с утра выглядеть максимально угрожающе. Они нависали над долиной, как каменные стражи, которым совершенно неинтересно, что ты вчера танцевала до упаду и верила, что мир можно изменить одной вечеринкой.

— Как я могла забыть?! — я заметалась по комнате, на ходу пытаюсь расчесать спутанные волосы, которые, казалось, за ночь сговорились с магией и стали вдвое непослушнее. — Вчера всё это веселье, танцы... И форму я так и не получила!

— Логично, — Феликс сел, сложив лапы, и посмотрел на меня с видом философа, который давно постиг тщетность бытия. — Ты была слишком занята тем, что вдохновляла ведьм на бунт против уныния. Бунт — дело хорошее, но он не отменяет утренних построений.

— Не время для философии! — я схватила первую попавшуюся одежду — чёрные легинсы, топ, ну и для изюминки мантию, яркую, расшитую серебряными звёздами. Та, словно почувствовав, что её снова берут в бой, тут же тихонько зазвенела, будто шептала: «Мы ещё покажем им!»

— Яга, — Феликс строго посмотрел на меня, и в этом взгляде читалось всё: от «ты опять?» до «я даже не хочу представлять, чем это закончится», — это не форма. Это «Звёздный шик», который вчера заставлял светляков танцевать вальс.

— Ну и что? — я уже натягивала туфли, которые, конечно же, решили, что утро — отличный повод слегка засветиться. — Главное — мантия. А цвет... цвет — это детали!

— Детали, из-за которых тебе плюшек не насыпят, — буркнул кот, но послушно прыгнул с кровати и потрусил за мной, будто знал: если оставить меня одну, я могу по пути ещё что-нибудь учудить.

Дорога до Ковена казалась бесконечной. Туман цеплялся за ноги, будто пытался удержать, а каждый камень под ногами будто нарочно подворачивался, чтобы я споткнулась. Я то и дело зевала так, что чуть не теряла равновесие, а волосы, которые я кое-как собрала в хвост, постоянно выбивались прядями и лезли в глаза.

— Почему они назначают построение в такую рань? — бормотала я, поправляя мантию, которая, конечно же, начала мерцать в такт моим шагам, будто сама хотела напомнить всем: «Я здесь, и я не собираюсь быть серой!»

— Потому что стражи разломов должны быть готовы в любой момент, — назидательно произнёс Феликс. — В отличие от некоторых звёзд.

— Ой, да ладно тебе, — я попыталась пригладить торчащие волосы, но они тут же снова встали дыбом, будто им нравилось быть непокорными. — Зато посмотри, какой эффект я вчера произвела! Даже статуи танцевали.

— Да, эффект был, — кот фыркнул. — Теперь будет эффект обратного действия.

Когда я наконец добралась до площади перед главным залом Ковена, построение уже шло полным ходом. Ведьмы в одинаковых серых мантиях стояли ровными рядами, их лица были серьёзны и сосредоточенны, а воздух над площадью будто стал плотнее от этой коллективной дисциплины.

Я замерла на краю площади, чувствуя себя ярко раскрашенной бабочкой среди стаи голубей. Моя мантия мерцала, звёзды на ней подмигивали, а туфли слегка светились в утреннем полумраке. Я была как неоновая вывеска посреди кладбища.

Матриархесса, стоявшая во главе строя, заметила меня сразу. Её брови приподнялись, а губы сжались в тонкую линию — такую ровную, что казалось, её вырезали по линейке.

— Ядвига, — её голос разнёсся над площадью, заставляя всех обернуться в мою сторону, — вы решили, что правила не для вас?

Я сглотнула, пытаясь придумать достойный ответ. В голове пронеслось: «Может, меня сейчас исключат? И я смогу вернуться к нормальной жизни: вечеринки, „Инстаколдун“, стильные образы...» Но тут же поняла — нет, не исключат. Скорее, дадут самую грязную работу и будут смотреть, как я её делаю.

— Э-э... — я поправила мантию, от чего звёзды на ней вспыхнули ещё ярче, будто сами хотели защитить меня своим светом. — Я просто... хотела добавить немного цвета в этот серый день?

Несколько молодых ведьм не сдержали смешков, но тут же прикрыли рты руками, будто боялись, что смех выдаст их как соучастниц. Старшие хмурились, качали головами, и в этих движениях было столько многовековой мудрости и неодобрения, что мне на мгновение захотелось стать невидимой.

Феликс, который трусил рядом, тихо прошипел мне на ухо:

— Исключат? Мечтай. Скорее, наоборот — продлят каторгу. За особо дерзкое нарушение дисциплины.

Я невольно вздрогнула. Вот чёрт. Кот, как всегда, прав.

— Цвет, — Матриархесса сделала шаг ко мне, и от этого шага даже воздух будто стал холоднее, — это роскошь, которую мы не можем себе позволить.

Я почувствовала, как краска стыда заливает лицо, и на секунду мне захотелось, чтобы земля просто тихо и вежливо разверзлась и забрала меня куда-нибудь, где не нужно оправдываться за любовь к ярким оттенкам.

— Но... вчера вы сказали, что праздник — это хорошо...

— Праздник — да, — кивнула Матриархесса. — Но дисциплина — прежде всего. Подойдите сюда. Получите форму. И постарайтесь в следующий раз не забывать о своих обязанностях.

Одна из старших ведьм подошла ко мне и протянула балахон мышинового цвета. Он выглядел так... правильно, так скучно, так безупречно дисциплинированно, что мне стало почти обидно. Я взяла его, чувствуя, как мерцание на моей мантии постепенно гаснет, будто звёзды на ней понимали: сейчас не время сиять.

— Наденьте сейчас же, — приказала Матриархесса.

Я вздохнула и начала снимать свою восхитительную мантию. Радовало только одно: я сегодня надела кружевное бельё цвета лаванды — единственное, что поддерживало мою самооценку в этот момент. Оно было маленьким секретом, который никто не увидит, но который я буду знать. И этого достаточно.

Накинув серую мантию, я встала в строй рядом с молодой ведьмой, которая вчера танцевала с особой страстью, будто хотела выплеснуть в движениях всю свою тоску по чему-то яркому. Она тихонько шепнула:

— Вы всё равно выглядите ярче всех. Даже в сером.

Я улыбнулась ей краешком рта — так, чтобы никто не заметил, но чтобы она поняла: спасибо, мне это сейчас очень нужно.

Феликс, устроившийся у моих ног, тихо мурлыкнул:

— О да, мантия — это хорошо. Главное, чтобы не заставили бегать. Ибо на таких каблуках далеко не убежишь!

— Спасибо, мне так не хватало твоей поддержки, — съязвила я, стараясь встать ровно и выглядеть как можно более дисциплинированно. Получалось плохо: каблуки норовили провалиться в щели между камнями, а серая ткань казалась чужой, будто пыталась напомнить мне, кто тут главный.

Матриархесса обвела строй взглядом, и этот взгляд был таким тяжёлым, что даже статуи у входа, наверное, старались не шевелиться.

— Сегодня патрулирование в секторе три. Разбиваемся на пары. Ядвига, вы будете с... — она на мгновение задумалась, и в этой паузе было столько зловещего, что я уже успела мысленно попрощаться со всеми своими планами на день, — с Лилией Лил. Она покажет вам окрестности и объяснит правила.

Я подняла глаза и увидела грозную старушку, которая смотрела на меня так, будто уже мысленно составляла список моих будущих проступков. В голове щёлкнуло: «Ничего хорошего не жди, уж я на тебе отыграюсь!»

Я помахала рукой в знак приветствия и пыталась натянуть улыбку дружелюбия, но моя «пара» взглядом пригвоздила меня к месту, будто я уже нарушила десяток правил, просто появившись на свет.

Феликс тихо фыркнул:

— Чувствую, веселье только начинается!

И от этого фырка, от этого кошачьего цинизма, который каким-то чудом умудрялся быть одновременно и поддержкой, и насмешкой, мне вдруг стало чуть легче. Я расправила плечи. Пусть сегодня я в сером. Пусть меня поставили в пару с самой строгой ведьмой Ковена. Но я всё ещё Ядвига. И даже если мир хочет, чтобы я стала незаметной, у меня есть лавандовое бельё, Феликс и упрямое сердце, которое отказывается верить, что яркость — это роскошь, а не право.

Патрулирование

Лилия Лил подошла ко мне с видом палача, который только и ждал возможности исполнить приговор. Её серая мантия сидела безупречно, будто была зачарована на идеальную посадку: ни складки, ни намёка на небрежность. Волосы были убраны в тугий пучок, из которого не выбивался ни единый волосок — словно сама дисциплина приказала им держаться на месте. А взгляд... он был таким, будто я лично отменила все её любимые заклинания и ещё сожгла гримуар ради растопки камина.

— Следуйте за мной, Ядвига, — произнесла она металлическим голосом, в котором не было ни капли тепла, и зашагала к воротам Ковена, не дожидаясь ответа. Шагала она так, будто каждый шаг был частью строгого ритуала: ровно, размеренно, без лишних движений.

Феликс, трусивший рядом, тихо фыркнул — этот звук был одновременно и насмешливым, и сочувственным.

— Ну что, красотка, готовься к курсу «Как быть серой и незаметной для начинающих», — пробормотал он так, чтобы слышала только я.

— Замолчи, — прошипела я, стараясь не отставать от стремительной походки Лилии и при этом не споткнуться о собственные каблуки, которые явно не были созданы для таких марш-бросков. — И без тебя тошно.

Мы вышли за пределы Ковена. Здесь, вдали от каменных стен, природа выглядела совсем иначе — будто сбрасывала с себя оковы строгой архитектуры и возвращалась к своей истинной, дикой сути. Деревья склонялись над тропой, словно пытались что-то прошептать путникам, их ветви тянулись вниз, почти касаясь земли, будто хотели обнять или предупредить. Воздух был густым от магии — не той, что рождается в заклинаниях, а той, что живёт в самом мире: в шелесте листьев, в запахе влажной земли, в тихом дыхании ветра. Казалось, что здесь магия не подчиняется правилам — она просто есть, как есть рассвет или прилив.

— Разломы, — начала Лилия, не оборачиваясь, — это трещины между мирами. Они появляются там, где магия слишком сильна или слишком хаотична. Вчерашняя вечеринка, Ядвига, могла спровоцировать новый разлом. Вы это понимаете?

Её слова упали в тишину, как тяжёлые камни, и эхо от них прокатилось по лесу, заставляя даже листья на мгновение замереть.

Я прикусила язык. В голове всплыли пузырьки пунша, которые пели «It's my life», светляки с неоновыми надписями, музыка, от которой даже статуи покачивались в такт... Неужели я действительно могла навредить? Не просто нарушить правила, а создать настоящую угрозу?

— Понимаю, — тихо ответила я, и голос мой прозвучал непривычно смирно, будто даже он решил, что сейчас не время для дерзости. — Но я не знала...

— Незнание не освобождает от ответственности, — отрезала Лилия, и в этих словах не было жестокости — только холодная, выверенная истина, которую она повторяла столько раз, что они стали для неё не упрёком, а напоминанием о цене ошибки. — Теперь слушайте внимательно. Мы патрулируем сектор три. Ваша задача — замечать любые аномалии. К ним относятся: мерцание воздуха, искажение звуков, внезапное появление теней там, где их быть не должно, странное поведение животных.

Она остановилась и впервые посмотрела на меня прямо. В её взгляде не было злости — скорее, там читалась усталость человека, который слишком часто видел, как легкомысленность оборачивается бедой.

— Если заметите что-то, — продолжила она, и каждое слово звучало как отдельное правило, которое нельзя нарушать, — сразу сообщаете мне. Никаких самостоятельных действий. Никаких заклинаний. Никаких... — она окинула взглядом мою серую мантию, задержавшись на едва заметном мерцании, которое никак не хотело исчезать, — украшений. И главное —

полная секретность. О разломах не должны знать обычные жители мегаполиса. Паника нам ни к чему.

Я кивнула, чувствуя себя школьницей на первом уроке, которой только что выдали толстенный учебник и сказали: «Читай, запоминай, не вздумай пропустить ни строчки». Феликс демонстративно зевнул, будто хотел показать, что вся эта серьёзность его не впечатляет, но я заметила, как он чуть насторожился — а значит, и он понимал: речь идёт не о пустяках.

Мы двинулись дальше. Тропа постепенно расширялась, ветви расступались, и вскоре мы вышли к спортивной площадке, огороженной невысоким забором. Площадка выглядела странно на фоне древнего леса — как кусочек современного мира, который случайно уронили в прошлое. На ней кто-то занимался: делал отжимания, подтягивания, крутил сальто с такой лёгкостью, будто гравитация для него была не законом, а рекомендацией.

— Ого, — невольно вырвалось у меня, и в этом «ого» было столько восхищения, что даже воздух вокруг будто стал теплее.

Мужчина повернулся — и я буквально растеклась в лужицу. Каждая мускулка на его теле играла, капли пота блестели на загорелой коже, как крошечные звёзды, а улыбка... О, эта улыбка могла растопить даже ледяную глыбу, заколдованную тремя поколениями ведьм. Он был великолепен — как ожившая статуя древнегреческого бога, только более живой, более... притягательный. В нём чувствовалась сила, которая не нуждалась в демонстрации: она просто была, как солнце, которое не кричит о своём свете, а просто светит.

Он подошёл ближе, вытирая лоб рукой, и спокойно сказал:

— Тут нет разломов. Я проверил территорию час назад.

Я слотнула, пытаясь взять себя в руки и вспомнить, что я здесь не для того, чтобы терять голову от красивых улыбок.

— А жаль, — выдавила я, стараясь, чтобы это прозвучало как профессиональное сожаление, а не как флирт. — Я бы помогла... запечатать.

— Ядвига! — голос Лилии Лил прозвучал как удар хлыста, резкий и точный, не оставляющий места для оправданий. — О нравственности слышали? Мы здесь не для того, чтобы флиртовать!

— До встречи, — бросила я красавчику через плечо, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно, а не как отчаянная попытка оставить о себе впечатление.

— Обязательно, — подмигнул он, и в этом подмигивании было столько уверенности, что на мгновение мне показалось, будто весь мир подстроился под его ритм. — Территория большая, мы ещё пересечёмся.

— Да иду я, — чуть громче сказала я Лилии Лил и двинулась в её сторону, стараясь выглядеть собранной, а не так, будто только что потеряла способность связно мыслить. — Феликс, узнай, что это за красавчик! — шепнула я фамильяру, когда оказалась достаточно далеко от Лилии, чтобы нас не услышали.

— Чего узнавать? — тихо мурлыкнул Феликс мне на ухо, и в его голосе слышалось лёгкое превосходство кота, который знает всё и даже немного больше. — Я и так всё знаю. Это Леший. Отвечает за силовую защиту территории. И, должен признать, с этой задачей он справляется на отлично, — добавил он с едва уловимым одобрением, будто даже его кошачья натура не могла не оценить такую мощь.

Когда я подошла, Лилия Лил покраснела от возмущения — цвет поднялся от шеи к щекам, как волна, которую невозможно остановить.

— Мы здесь по делу, — процедила она. — Идёмте, Ядвига. У нас ещё половина сектора не проверена.

Пока мы шли дальше, Лилия продолжала читать нотацию о дисциплине и приоритетах, и её слова ложились на лесную тишину, как камни на дно ручья — плотно, надёжно, не оставляя места для сомнений.

— Стражи Ковена должны быть сосредоточены на задаче, — говорила она, шагая вперёд с той же неумолимой уверенностью, с какой река течёт к морю. — Никаких личных симпатий, никаких эмоций. Магия требует хладнокровия.

— Хладнокровия? — переспросила я, невольно вспоминая горячие взгляды Лешего, от которых даже воздух, казалось, становился теплее. — Или просто тепла?

— Ядвига!

— Молчу, молчу, — я подняла руки в знак капитуляции, но в глазах у меня плясали озорные искры, которые не могли погасить ни серые мантии, ни строгие правила. — Просто иногда кажется, что без капли тепла магия становится... пустой.

Лилия только вздохнула — этот вздох был таким глубоким, что в нём слышалась вся история Ковена: века дисциплины, тысячи патрулей, сотни предупреждений, которые никто не хотел слышать.

Но я уже строила планы: как бы «случайно» оказаться на этой площадке завтра утром, когда первые лучи солнца будут скользить по траве, а воздух будет наполнен свежестью и предвкушением. Может, Леший снова будет тренироваться. А может, просто улыбнётся так, что даже самые строгие правила на мгновение перестанут казаться такими уж нерушимыми.

Феликс тихо мурлыкал рядом, и в этом мурлыканье слышалось что-то вроде: «Ну что, теперь понимаешь, почему серые мантии — это ещё не приговор?»

— По крайней мере, — улыбнулась я, чувствуя, как внутри разгорается не бунт, а что-то другое — лёгкое, игривое, но не менее упрямое, — теперь у меня есть стимул приходить на патрулирование вовремя.

И пусть Лилия Лил пока не верила, что дисциплина и яркость могут уживаться. Пусть Ковен считал, что стиль — это роскошь. Я знала: иногда достаточно одной улыбки, одного луча солнца, одной искры, чтобы даже самый серый день стал чуть светлее. И я собиралась доказать это — шаг за шагом, патруль за патрулём.

Крошечное жилище и тихий бунт

— И это... всё? — я стояла посреди крошечной комнаты и пыталась осознать, что теперь это моё жилище на неопределённый срок. Пространство было настолько тесным, что, казалось, даже воздух здесь был упакован плотнее, чем в других местах — будто специально, чтобы не оставалось места для лишних мыслей и мечтаний.

Кровать у стены, стол, стул, шкаф — всё строгое, серое, безликое, будто созданное не для жизни, а для того, чтобы напоминать: ты здесь не для уюта, ты здесь для службы. Даже окно казалось каким-то приглушённым, словно его специально зачаровали, чтобы снаружи не проникало слишком много света — будто яркость была здесь под негласным запретом.

Я подошла к окну и потрогала стекло — холодное, гладкое, без единого блика, будто оно не хотело ничего отражать. За ним виднелись башни Ковена, мрачные и величественные, как будто насмеялись надо мной: «Ну что, привыкла к вечеринкам и блеску? Теперь привыкай к тишине и порядку».

— Ну, — Феликс запрыгнул на кровать, принялся, покрутился на месте, будто пытался уловить все скрытые запахи этого места, потом улёгся, вытянув лапы, — могло быть хуже. Могли поселить в подвале. Там, говорят, водятся не только крысы, но и древние заклинания, которые шепчут по ночам.

— Могли, — буркнула я, обводя взглядом голые стены, которые словно впитывали в себя любой намёк на радость. — Но это не отменяет того факта, что здесь всё такое... серое. Как будто кто-то взял и стёр все краски мира, оставив только оттенки мышинового.

В углу стояли коробки с вещами, выданными Ковеном. Они просто вызвали панический страх — как будто в них была упакована сама суть дисциплины: строгая, бескомпромиссная, не терпящая возражений. Я присела рядом и начала разбирать их, чувствуя, как настроение падает с каждой секундой, словно камни, которые тянут ко дну.

Мантии — все мышинового цвета, без единого украшения, ткани такие жёсткие, что, казалось, они хрустели при каждом движении, будто сами хотели напомнить: «Ты теперь часть системы, забудь про лёгкость». Постельное бельё — блёкло-серое, будто выцветшее за сто лет, на ощупь — как наждак, который должен был со временем стереть и мою дерзость. Полотенца — жёсткие на ощупь и такие же унылые, с едва заметной меткой «Ков. № 3», словно даже полотенца здесь были пронумерованы и учтены. Набор базовых зелий в невзрачных склянках — «Успокоительное», «Концентрация», «Сон без сновидений» — будто Ковен заранее знал, что мне захочется сбежать от этой реальности. И, наконец, учебник «Основы дисциплины стражей разломов» в серой обложке, такой толстой, что я невольно содрогнулась: сколько же часов придётся провести за его изучением, прежде чем я смогу снова почувствовать, что живу, а не просто выполняю инструкции.

— Неудивительно, что все ходили с такими хмурыми лицами, — бурчала я себе под нос, перебирая мантии, которые шуршали, как сухие листья в безветренный день. — Да тут через неделю сама станешь такой же — серой и бесчувственной.

Я вздохнула и открыла свой чемодан. Вот где было настоящее спасение. На меня с радостью смотрели постеры с концертами магических рок-групп — «Громовые руны», «Заклинатели ветра» — яркие, с огненными всполохами и сияющими гитарами, будто даже в бумаге жила частичка той энергии, которая заставляла залы взрываться аплодисментами. Рядом лежал яркий плед в оранжево-фиолетовых тонах — подарок русалок, мягкий и пушистый, будто облако, которое решило стать вещью.

Да, дома я собиралась быстро, кидала всё, что попадалось под руку, но и то, что я сейчас доставала из чемодана, радовало меня с каждым разом всё сильнее, словно каждый предмет шептал: «Мы с тобой, мы не дадим тебе забыть, кто ты». Наборы разноцветного кружевного

белья — лавандового, изумрудного, алого, с вышивкой и рюшами — будто маленькие флажки, которые заявляли: «Даже если снаружи ты в сером, внутри ты — праздник». Флакон «Эликсира радужного настроения» — всего три капли, но они меняли цвет в зависимости от эмоций: сейчас переливались нежно-розовым, словно намекая, что всё не так уж плохо. Зеркало в резной раме, которое подмигивало мне, когда я была в хорошем настроении, и показывало мой идеальный образ, когда я чувствовала себя неуверенно. Маленький кристалл «Солнечного смеха» — он тихо звенел, когда рядом было что-то весёлое, будто ловил радость и хранил её, чтобы потом поделиться. Пара туфель на каблуках с зачарованием «Лёгкость шага» — пусть и не для патрулирования, но для души, чтобы даже в самом строгом месте я могла вспомнить, каково это — чувствовать себя свободной.

Постепенно комната начала преображаться, словно просыпалась от долгого сна. Постеры заняли стены: «Громовые руны» теперь сверкали огненными рунами прямо над кроватью, будто обещали, что даже здесь можно найти место для магии и музыки. «Заклинатели ветра» раскинули крылья над столом, словно хотели унести меня прочь от серых будней. Плед укрыв кровать, добавив ярких пятен в серость, и комната сразу стала чуть теплее, чуть живее. Я аккуратно разложила бельё в ящик шкафа — цвета радуги спрятались под серой крышкой, но я-то знала, что они там, и этого было достаточно. Кристалл «Солнечного смеха» я поставила на подоконник — он тут же зазвенел тоненько, будто смеясь над самой идеей того, что можно заставить мир быть только серым.

Я поставила зеркало на стол и улыбнулась своему отражению — и оно тут же подмигнуло мне в ответ, будто говорило: «Вот видишь, мы справимся».

— Ну вот, уже лучше, — прошептала я, оглядываясь по сторонам. — Теперь это хотя бы немного похоже на дом.

— Главное, чтобы Лилия Лил не увидела, — Феликс скептически осмотрел оранжево-фиолетовый плед, потыкал его лапой, будто проверял, не исчезнет ли он от одного прикосновения дисциплины. — Она решит, что это нарушение дресс-кода для интерьера.

— Пусть попробует что-то сказать, — я поправила постер с «Громовыми рунами», который чуть не съехал, и в этом движении было столько упрямства, что даже воздух будто стал плотнее от моей решимости. — У меня есть права. И право на самовыражение — одно из них.

Феликс фыркнул, но в этом фыркании слышалось не столько осуждение, сколько привычное принятие моего безумия.

— Только не устраивай тут вечеринку, ладно? — пробурчал он. — А то нас выселят в подвал. И тогда даже русалочий плед не спасёт.

— Обещаю, — я подмигнула ему, и в этом подмигивании было столько озорства, что даже серые стены на мгновение показались чуть менее мрачными. — Пока что — только тихий бунт.

И тут я заметила на дне чемодана небольшой свёрток, который будто прятался от чужих глаз. Развернула — и на ладонь выпал амулет: серебряный круг с вписанным в него символом — спиралью, обвивающей каплю. Он слабо мерцал, будто дышал, и в этом мерцании было что-то живое, что-то, что не подчинялось строгим правилам Ковена.

— Феликс, смотри! — я протянула амулет коту. — Я совсем забыла про него. Это же «Сердце хаоса» — бабушкин подарок. Она говорила, что он помогает находить баланс между порядком и безумием. Что иногда, чтобы сохранить равновесие, нужно позволить себе немного нарушить правила.

Феликс понюхал амулет, прищурился, будто пытался прочитать его историю по запаху, и после долгой паузы произнёс:

— Выглядит... мощно. И опасно. Ты уверена, что хочешь его носить? В этом месте любая искра может превратиться в пожар.

— Абсолютно, — я надела цепочку на шею, и амулет лёг на грудь, как что-то родное, как часть меня, которую я чуть не потеряла в суете сборов. Его мерцание стало чуть ярче, будто он радовался, что наконец-то снова со мной.

В тот же миг кристалл «Солнечного смеха» зазвенел громче, будто приветствовал нового союзника, а зеркало подмигнуло мне особенно лукаво, словно знало какой-то секрет и хотело, чтобы я тоже его узнала.

— Видишь? — улыбнулась я, чувствуя, как внутри разгорается не бунт, а что-то другое — лёгкое, игривое, но не менее упрямое. — Он уже работает.

— Или просто реагирует на твоё безумие, — проворчал Феликс, но в глазах у него мелькнуло одобрение, будто он тоже был рад, что в этой комнате снова есть место для чуда.

Я оглядела комнату. Да, она всё ещё была маленькой и тесной, и башни Ковена по-прежнему нависали над ней, напоминая о дисциплине и порядке. Но теперь в ней жили краски, музыка и магия — моя магия. И пусть Ковен считает, что знает, как нужно жить. Я покажу им, что даже в самой строгой системе есть место для чуда — нужно только не бояться его замечать.

Вечерняя лекция

Вечером всех молодых стражей собрали в большом зале на лекцию. Пространство было внушительным, но отчего-то казалось тесным: высокие своды, тёмные балки, ряды скамеек, на которых мы сидели, словно послушные ученики, готовые впитывать мудрость веков. Воздух пах воском, старыми пергаментами и чем-то ещё — возможно, самой сутью дисциплины, которая оседала на коже, как тонкая пыль.

Мадам Лилия Лил, разумеется, оказалась ведущей. Она стояла у кафедры в безупречной серой мантии, прямая, как стрела, будто сама была воплощением тех правил, о которых собиралась говорить. Её поза не допускала ни капли небрежности: плечи расправлены, подбородок чуть приподнят, руки спокойно лежат на кафедре — ни лишнего жеста, ни намёка на волнение.

— Страж разломов — это не просто маг, — говорила она ровным, размеренным голосом, который, казалось, был специально создан, чтобы проникать в сознание и оседать там, как тяжёлый, но необходимый груз. — Это воин, дисциплинированный и сосредоточенный. Ваша задача — всегда быть наготове, уметь защищать, предвидеть угрозу и действовать без промедления. Магия требует хладнокровия, а не... — она на мгновение задержала взгляд на мне, и в этом взгляде не было ни злости, ни особого внимания — просто констатация факта, — ярких проявлений.

Рядом со мной сидела та самая юная ведьма, что вчера танцевала с особым энтузиазмом, будто хотела выплеснуть в движениях всю свою тоску по чему-то живому и настоящему. Сейчас она выглядела уставшей и немного потерянной. Она наклонилась ко мне и прошептала так тихо, что даже воздух, казалось, старался не разносить эти слова:

— Ты как? Я тут третий день и уже хочу сбежать.

— Я с тобой солидарна, — так же шёпотом ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, даже если внутри всё сжималось от этой бесконечной правильности происходящего. — Нужно найти способы сохранить себя.

— Например? — в её глазах мелькнула надежда, как слабый огонёк, который боится погаснуть от любого дуновения ветра.

— Например, помнить, кто ты есть, — я подмигнула, и это подмигивание было маленьким актом сопротивления — крошечным, но настоящим. — И не позволять серым стенам стирать краски твоей жизни.

Ведьма хихикнула — тихо, почти неслышно, но этот звук был как глоток свежего воздуха. Тут же она прикрыла рот рукой — Лилия Лил строго посмотрела в нашу сторону, и этого взгляда хватило, чтобы даже самые смелые мысли на мгновение притихли.

Я опустила глаза, делая вид, что внимательно изучаю узор на столешнице, но внутри что-то ёкнуло: неужели теперь любая улыбка — это нарушение? Неужели радость нужно прятать, как запрещённое заклинание?

Лекция тянулась бесконечно. «Правила поведения стражей», «Распорядок дня», «Основы коллективной магии», «Протокол реагирования на аномалии»... Всё было таким... правильным. И таким скучным. Слова складывались в ровные, безупречные ряды, как солдаты на параде, и от этого строя становилось тяжело дышать.

Я поймала себя на том, что машинально рисую в тетради узоры — завитки, звёзды, спирали, — пока Лилия Лил монотонно перечисляла пункты устава. Линии ложились на бумагу легко, будто хотели сбежать от этой правильности, вырваться за границы строгих строк. В этих узорах не было смысла — только свобода, которую я пыталась удержать хотя бы на этой странице.

После лекции, когда мы выходили из зала, ко мне подошли три ведьмы — все в одинаковых серых мантиях, но с таким видом, будто они уже прошли все ступени Ковена и теперь

имели право судить тех, кто только начинал путь. Та, что шла впереди, с высокомерным прищуром окинула меня взглядом, в котором читалось: «Я знаю о тебе всё, и этого достаточно, чтобы тебя не уважать».

— Ядвига Яга, верно? — её голос звенел ядом, тонким и острым, как лезвие. — Та самая, что была дивой всех вечеринок и иконой стиля?

— Верно, — я выпрямилась, стараясь не показывать, как неприятно это внимание, как оно царапает изнутри, будто грубая ткань, которую заставляют носить на голое тело. — А вы, должно быть, хранительницы чистоты серых тонов?

Ведьмы переглянулись. Та, что заговорила первой, шагнула ближе, и в её движении было столько уверенности, что на мгновение мне показалось: она действительно верит, что имеет право решать, какой мне быть.

— В Ковене есть правила, — произнесла она, и каждое слово звучало как приговор. — И те, кто их нарушает, быстро оказываются на обочине.

— Или на передовой, — улыбнулась я, и эта улыбка была не из дерзости, а из упрямства — из того самого, что не даёт сломаться, когда мир становится слишком тяжёлым. — Где, кстати, вы будете — в тылу или рядом со мной у разлома?

Её лицо на мгновение исказилось от злости, но она быстро взяла себя в руки, и маска безупречной дисциплины снова легла на черты, скрывая всё, что было настоящим.

— Посмотрим, как ты заговоришь после первого настоящего патруля, — процедила она.

— С нетерпением жду, — я вежливо кивнула, стараясь, чтобы в этом кивке не было вызова, но чтобы он всё равно говорил: «Я не отступлю». — Может, тогда и вы перестанете прятаться за чужими спинами.

Ведьмы фыркнули и отошли, бросая на меня злобные взгляды, которые, казалось, хотели прожечь дыру в моей мантии. Я почувствовала, как Феликс, спрятанный под мантией, тихонько толкнул меня лапой — лёгкий, почти незаметный толчок, который говорил: «Ты молодец. Но будь осторожна».

— Молодец, хозяйка, — тихо мурлыкнул он, когда ведьмы отошли достаточно далеко. — Красиво поставила их на место. Но будь осторожна — такие не прощают.

— Знаю, — я поправила мантию, чувствуя, как внутри закипает упрямая решимость, горячая и яркая, как пламя, которое не хочет гаснуть. — Но я не собираюсь становиться серой тенью только потому, что кому-то это удобнее.

По коридору к нам приближалась Лилия Лил. Её шаги были тихими, но уверенными, и от этой уверенности даже воздух будто становился плотнее. Заметив меня, она слегка замедлила шаг, и в этой паузе было столько смысла, что я невольно напряглась.

— Ядвига, задержитесь на минуту, — сказала она негромко, но так, что это прозвучало не как просьба, а как необходимость.

Я вздохнула и отошла в сторону, чувствуя себя школьницей, которую оставили после уроков. Феликс остался неподалёку, делая вид, что заинтересовался картиной на стене — старой, потемневшей от времени, с изображением какого-то древнего сражения. На самом деле он просто хотел быть рядом, даже если не мог вмешаться.

— Вижу, вы уже успели обзавестись... оппонентами, — Лилия говорила тихо, но её взгляд был пронизательным, будто она видела не только то, что было на поверхности, но и всё, что пряталось глубже.

— Скорее, поклонницами моего подхода к жизни, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла немного натянутой, как ткань, которую пытаются растянуть на слишком большую раму.

— Не стоит недооценивать их, — спокойно произнесла Лилия. — В Ковене сила не только в магии, но и в единстве. А единство требует дисциплины.

— Я понимаю, — кивнула я, чувствуя, как слова застревают в горле, потому что хотелось сказать больше, хотелось объяснить, что я не против дисциплины — я против того, чтобы она стирала всё живое. — Но разве дисциплина должна стирать индивидуальность?

Лилия на мгновение задумалась, и в этой паузе было столько внутренней работы, что я вдруг поняла: она не просто повторяет заученные истины. Она их проживает.

— Дисциплина должна её направлять, — наконец сказала она, и в этих словах не было осуждения — скорее, попытка найти точку соприкосновения. — Магия — это энергия, Ядвига. Если она хаотична, она опасна. Если упорядочена — созидательна. Ваша задача — найти баланс.

Я посмотрела ей в глаза — впервые не как на строгого наставника, а как на человека, который тоже когда-то стоял на этом перепутье.

— Постараюсь, — тихо ответила я. — Но я не стану гасить свои краски только ради того, чтобы кому-то было комфортнее.

— Посмотрим, — она чуть заметно улыбнулась, и эта улыбка была такой редкой, что казалась драгоценностью. — Идите. И помните: завтра практическое занятие по коллективной магии. Будьте готовы.

Когда Лилия ушла, я подошла к Феликсу. Он перестал притворяться, что изучает картину, и посмотрел на меня своими мудрыми кошачьими глазами.

— Ну что, друг, — я вздохнула, но в этом вздохе уже не было отчаяния — только готовность, — кажется, начинается самое интересное.

Феликс фыркнул, будто хотел сказать: «Ну вот, а я-то надеялся на тихий вечер с блюдцем сливок». Но потом слегка наклонил голову и серьёзно произнёс:

— Главное — не забывай: даже в коллективной магии можно оставить немного места для своего света. Пусть он будет маленьким, но своим.

Я улыбнулась — на этот раз искренне.

— Спасибо, — прошептала я. — Иногда именно такие слова и держат на плаву.

И мы пошли по коридору, мимо строгих портретов, мимо закрытых дверей, мимо тишины, которая казалась слишком громкой. Впереди был новый день, новые испытания, новые правила. Но теперь я знала: я не одна. И мой свет — пусть даже маленький — никто не сможет погасить, если я сама не позволю.

Размышления в комнате

Когда лекция закончилась, я поспешила в свою комнату, будто хотела укрыться от этого бесконечного серого мира, который вдруг стал казаться слишком большим и слишком холодным. Коридоры Ковена тянулись, как лабиринты из камня и тишины, и каждый шаг отдавался эхом, словно сам замок напоминал: «Ты теперь часть нас».

Феликс уже устроился на пледе и лениво умывался, будто весь этот хаос внешнего мира его вообще не касался.

— Ну что, богиня стиля, — он поднял глаза, слегка прищурившись, — как ощущения?

— Ужасно, — я упала на кровать рядом с ним, и даже матрас, казалось, вздохнул под тяжестью моего настроения. — Вчера я была Ядвига Яга — звезда «Инстаколдуна», организатор вечеринок, яркая, заметная, та, чьё появление заставляло светлячков зажигать огни заранее. А сегодня я серая мышь в серой мантии в серой комнате. Даже воздух тут какой-то... приглушённый.

— Ты не серая, — Феликс потянулся, выгибая спину дугой, потом улёгся у меня в ногах, как тёплый, живой якорь, который не даёт уплыть в отчаяние. — Просто сейчас ты в камуфляже.

— В камуфляже, который душит, — я перевернулась на бок и уставилась в потолок, будто надеялась увидеть там хотя бы одну звезду. — Знаешь, что самое обидное?

— Что? — он чуть наклонил голову, и в этом движении было столько искреннего внимания, что даже тоска на мгновение отступила.

— Мне только что прислали новости из внешнего мира. Пишут: «Ядвига Яга погасла. Кто займёт её место в рейтинге самых стильных магов?» Представляешь? Для них я уже исчезла. Как будто меня стёрли ластиком, и теперь на моём месте — пустота.

Феликс помолчал. В этой тишине не было неловкости — скорее, он давал словам осесть, чтобы потом ответить чем-то по-настоящему важным.

— А ты докажи, что не исчезла, — сказал он наконец, и голос его звучал спокойно, но твёрдо, как камень, на который можно опереться. — Не снаружи, так внутри. Пусть мантия серая, но ты-то знаешь, что под ней — обворожительное кружево. И комната уже не серая, а вполне даже веселенькая. Тем более ты сейчас выполняешь очень ответственное дело — защищаешь их покой. Тех самых людей, что теперь гадают, куда пропала Ядвига.

Я задумалась. Кот, как всегда, был прав. В голове начали складываться первые контуры плана — не бунта, не открытого противостояния, а чего-то хитрого, изящного, как узор на тонком стекле: хрупкого, но прочного.

— Ты прав! — я села, чувствуя, как внутри разгорается не злость, а азарт. — Я не исчезну. Я просто... изменюсь. Но не стану серой. Я найду способ быть собой даже здесь. Может, начну с того, что научу молодых ведьм добавлять немного цвета в их серые мантии. Или устрою тайную вечеринку... ну, хотя бы чаепитие с заклинаниями!

— Тише, тише, — Феликс поднял лапу, будто хотел прикрыть мне рот, чтобы эти слова не разлетелись по коридорам. — Давай сначала научимся не опаздывать на построения. А там посмотрим.

— Договорились, — я улыбнулась, и эта улыбка была как первый луч солнца после долгой ночи. — Но одно я знаю точно: я не позволю Ковену стереть меня. Ядвига Яга может быть в серой мантии, но она всё равно останется собой.

Феликс мурлыкнул — тихо, уютно, как будто этот звук сам по себе был маленьким заклинанием от грусти.

— Вот это настрой, — одобрил он. — А теперь, может, откроем флакон «Эликсира радужного настроения»? Посмотрим, какого цвета он будет сегодня.

Я рассмеялась и потянулась к флакону. Он уже переливался всеми оттенками заката — оранжевым, розовым, фиолетовым, будто в нём была заключена сама память о тёплых вечерах.

— Видишь? — я показала его коту, и капли внутри кружились, как крошечные фейерверки. — Даже здесь есть место для цвета.

Я встала и подошла к зеркалу в резной раме. Оно подмигнуло мне, показывая идеальный образ — тот, что я помнила: яркие волосы, сияющие глаза, лёгкая улыбка, в которой было столько жизни, что её хватило бы на целый город.

— Слушай, Феликс, — задумчиво произнесла я, глядя на своё отражение, будто искала в нём подсказку, — а что, если использовать магию не для заклинаний, а для... преобразования? Ну, знаешь, не нарушая правил Ковена, но добавляя немного стиля?

— Например? — кот заинтересованно приподнял уши, и в его взгляде читалось: «Ну-ка, ну-ка, что ты опять придумала?»

— Например, зачаровать пуговицы на мантии так, чтобы они слегка мерцали. Или добавить едва заметный узор на ткань — такой, что его увидишь, только если знаешь, куда смотреть. Или... или сделать так, чтобы наши серые мантии меняли оттенок в зависимости от настроения! Представь: стоишь в строю, вокруг все серые, а у кого-то мантия чуть отликает фиолетовым, у кого-то — зелёным. И никто не докажет, что это магия — скажут, игра света!

Феликс прищурился, и в этом прищуре было столько кошачьего скепсиса, смешанного с восхищением, что я поняла: идея ему нравится, но он всё равно будет меня предостерегать.

— Хитро, — протянул он. — Формально — всё по правилам, но с изюминкой. Но будь осторожна — Лилия Лил не так проста, как кажется. Она заметит любые отклонения. У неё нюх на магию, как у ищейки на след.

— Значит, сделаем так, чтобы отклонения были... незаметными, но ощутимыми, — я хлопнула в ладоши, и этот звук прозвучал как начало чего-то нового. — Представь: стоишь ты в строю, вокруг все серые, серьёзные, а где-то в глубине ткани прячется крошечная искра. И только ты знаешь, что она там.

Кот рассмеялся — тихо, почти беззвучно, но я почувствовала эту вибрацию всем телом.

— Ты неисправима, — промурлыкал он. — Но знаешь, мне нравится эта идея. Давай попробуем. С чего начнём?

Я оглядела комнату. Взгляд упал на кристалл «Солнечного смеха» — он тихо звенел, будто одобрял мои мысли, и в этом звоне слышался смех, который невозможно было заглушить никакими правилами.

— Начнём с малого, — я взяла одну из пуговиц с мантии. Та лежала на ладони, простая, ничем не примечательная, но в этот момент она казалась мне крошечным миром, который я могла раскрасить заново. — Сначала зачаруем её — пусть мерцает, как далёкая звезда. Если сработает, перейдём к чему-то более сложному.

Я положила пуговицу на ладонь, закрыла глаза и сосредоточилась. Вспомнила ощущение праздника: вспышки огней, смех друзей, запах горячего шоколада и корицы, музыку, от которой хотелось кружиться, даже если ты не умеешь танцевать. Вспомнила всё то, что делало меня мной. Затем прошептала заклинание — тихое, почти шёпотом, такое, какое не услышат даже самые чуткие уши Ковена:

— Слабый свет, мой знак.

Пуговица дрогнула и начала мерцать — едва заметно, как светлячок в ночи, как искорка, которую можно спрятать в кулаке, но нельзя погасить.

— Получилось! — я восторженно подняла её перед глазами, и в этом свете было столько надежды, что он казался ярче любого прожектора.

— Действительно, — Феликс подошёл ближе и осторожно потрогал мерцание лапой, будто проверял, настоящее ли оно. — Идеально. Ни один страж не заметит, а мы будем знать.

— Завтра проверю на практике, — я аккуратно пришила пуговицу обратно к мантии, чувствуя, как каждое движение становится частью чего-то большего. — Предложу идею той ведьме, что сидела рядом на лекции. Думаю, она оценит. Ей тоже хочется верить, что здесь можно остаться собой.

— Смотри, чтобы Лилия Лил не поймала тебя за руку, — предупредил Феликс, и в его голосе слышалась не угроза, а забота — та самая, что заставляет котов сидеть у двери, когда ты плачешь. — Она может и не одобрить твой... креатив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.